

АДВОКАТ МАФИИ

ВАЛЕРИЙ КАРЫШЕВ

**Александр
Солоник —
киллер мафии**

Адвокат мафии

Валерий Карышев
Александр Солоник:
киллер мафии

«ЭКСМО»

1998

Карышев В. М.

Александр Солоник: киллер мафии / В. М. Карышев — «Эксмо»,
1998 — (Адвокат мафии)

ISBN 5-699-06420-6

Побеги из мест заключения, убийства милиционеров и криминальных авторитетов, многочисленные любовные связи – все это было в жизни наемного убийцы Александра Солоника. Автор этой книги – его адвокат. В ходе их частых и продолжительных бесед Солоник много рассказывал о себе и обстоятельствах своих «крутых дел». Теперь и читателям предоставляется возможность заглянуть за завесу тайны, окутывающей жизнь легендарного киллера.

ISBN 5-699-06420-6

© Карышев В. М., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Записки адвоката	5
Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	37
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Валерий Карышев

Александр Солоник – киллер мафии

Записки адвоката

Предисловие автора

Я никогда не собирался писать подобное художественное произведение. Но волею судеб мне пришлось выступить в качестве защитника по делу Александра Солоника, одного из самых знаменитых и загадочных российских киллеров, обвиняемого в ряде заказных убийств криминальных авторитетов, а также работников милиции.

Попав после ареста в специальный корпус следственного изолятора «Матросская Тишина», А. Солоник не чувствовал себя в полной безопасности. Над ним «висело» – ни много ни мало – три смертных приговора: первый – судебный, второй – работников милиции за смерть своих коллег и третий – воров в законе за убийства криминальных авторитетов.

Реально оценивая ситуацию, Солоник разработал собственную систему безопасности, одним из элементов которой было ежедневное посещение его адвокатом.

Одни называют Солоника преступником и убийцей (хотя суда над ним не было), другие – Робин Гудом, выжигающим «криминальные язвы» общества. Но так или иначе Солоник – личность, способная на Поступки. Три его побега из мест заключения, включая последний из «Матросской Тишины», сделали его легендой криминального мира.

Солонику посвящены многочисленные статьи в газетах и журналах, главы документальных книг, фильмы. Но кто может знать его лучше, чем его адвокат – единственный человек с воли, которому он доверил свою судьбу, а также завещал в случае смерти и свои воспоминания, записанные на аудиокассеты. Их мне передали в Греции, где при весьма загадочных обстоятельствах погиб Солоник.

Идея подобной книги впервые пришла Солонику во время следствия.

Вечером, накануне моего очередного посещения, по телевидению показывали какой-то остросюжетный детектив. И тут он, пренебрежительно отозвавшись о фильме, заметил, что если бы, мол, про него написали, то получился бы суперостросюжетный роман. Тогда я в шутку ответил – кто тебе мешает, сам и напиши... А он, помолчав, покачал головой – нет, это можно сделать только после его смерти, и уточнил: иначе прольется море крови, да и ему самому не жить.

Прошло время, события приняли стремительный оборот.

Понимая, что может не дожить до суда, Солоник совершает побег из «Матросской Тишины» и почти полтора года прячется за границей.

Моего напарника по этому делу, адвоката Алексея Завгороднего, вскоре после побега Солоника жестоко избивают у подъезда.

За мной начинается тотальная слежка. Мне устраивают два официальных допроса. Правоохранительные органы проводят обыск на моей квартире. От оперативников я получаю советы «беречь свое здоровье».

Зато в криминальном мире мой «авторитет» растет, круг моих «крутых клиентов» резко расширяется. После ряда публикаций в периодике за мной чуть ли не закрепляется кличка «адвокат киллеров», «адвокат мафии». Но жизнь продолжается. И каждый из нас, причастных к этому делу, живет своей жизнью.

Затем происходят новые непредсказуемые события: в конце января 1997 года мне неожиданно звонит Солоник и просит в случае его смерти опубликовать то, что записано им на пленку. Затем приходит известие о его гибели. Вскоре я еду в Грецию и знакомлюсь с этими записями.

Я до мелочей запомнил тот день, когда закрылся в номере греческой гостиницы и несколько дней в шоковом состоянии слушал исповедь Солоника.

Да, он был прав на сто процентов – прольется море крови, снова начнутся мафиозные разборки...

С другой стороны, мне, доверенному лицу Солоника, следовало выполнить его последнюю волю.

Поэтому я решил написать роман, изменив ряд имен и событий (чтобы не было больше крови).

Наверное, многие узнают иных персонажей этой книги, встретят знакомые эпизоды и события. Есть здесь и фрагменты моей биографии, отсюда подзаголовок: «Записки адвоката». И тем не менее я прошу считать эту книгу художественным произведением, ее содержание не может быть использовано на следствии или в суде.

Я благодарен экспертам, помогавшим мне работать над этой книгой, представителям правоохранительных органов, четко осуществлявшим свои должностные обязанности, братве, которая все «оценила с пониманием», и тем, кто помог «не до конца», так как оказался в СИЗО и на зоне.

Отдельная благодарность – съемочной группе Центрального телевидения во главе с Олегом Вакуловским, автором документального фильма «Красавица и чудовище», снятого при моем участии в Греции.

«Солоник – киллер мафии» – первая книга из задуманного цикла. Написана и готовится к изданию вторая под названием «Киллер на экспорт».

Хочется верить, что эти книги найдут своего читателя.

Пролог

Любой человек, впервые попавший на московскую улицу со странным названием Матросская Тишина, что в районе Сокольников, наверняка обратит внимание на комплекс мрачных сооружений, громоздящихся слева от набережной Яузы. Это – столичный следственный изолятор номер один, более известный под тем же названием, что и сама улица.

Знаменитый СИЗО «Матросская Тишина»... Толстые кирпичные стены, геометрически правильные проемы окон, забранные массивными решетками, высокий забор с глухими металлическими воротами. Проникнуть за эти стены можно лишь в качестве родственника, следователя или адвоката тех, кто содержится в следственном изоляторе. Ну и, конечно, в качестве задержанного. Их привозят в милицейском «воронке», почему-то именуемом на жаргоне обитателей тюрьмы «блондинкой».

В СИЗО несколько корпусов, но наиболее серьезным считается внутренний, девятый. До начала девяностых он относился к компетенции КГБ, и потому порядки в нем по-прежнему много жестче, чем в остальных.

Длинный, уходящий вдаль коридор, подвесные металлические перильца по бокам, потолок в металлической сетке, телевизионные мониторы и десятки дверей в камеры, или, как чаще именуют их здесь, – «хаты». Такую картину видит всякий, проходящий по этажам, будь то коридорный, начальник корпуса и, конечно же, вызванный на допрос подследственный.

Именно такую картину и наблюдал второго июня 1995 года невысокий жилистый мужчина лет тридцати, с аккуратно подстриженной шкиперской бородкой. Его вели по галерее два сержанта внутренней службы. Первый шел впереди, второй – рядом с обладателем бородки, запястья их рук были соединены наручниками.

Длинные переходы, бесчисленные переборки, решетки, металлические двери камер, мерцающие обманчивой синевой экраны мониторов – на них видны все главные артерии следственного изолятора.

Переход, лестница, еще одна лестница, снова переход, коридор и – пришли.

Тот сержант, что двигался первым, приоткрыл дверь, заглянул в кабинет и, окинув взглядом напарника, привычно скомандовал:

– Веди!

Дверной проем был узок, и подследственного пришлось пропустить вперед. Следом за ним двинулся сопровождающий.

Лязг снимаемых наручников – впрочем, спустя несколько секунд их освобожденная от руки сержанта половинка пристегнута к столу, чтобы подследственный не мог вырваться. Еще минута – и «рексы» (так обычно именуют тут конвоиров) покинули кабинет.

Подследственный остался один на один с посетителем. Невысокий, интеллигентного вида, с аккуратно подстриженными усиками, с быстрыми, но точными движениями, он смотрел на него, как лечащий врач смотрит на безнадежного пациента, которому уже не помогут ни лекарства, ни операция. Столь печально и понимающе не может смотреть ни ближайший родственник, ни «рекс», ни тем более следователь. Такой взгляд бывает лишь у опытного адвоката, понимающего всю безысходность ситуации...

Так оно и было на самом деле: посетитель СИЗО, сидящий за столом, действительно был защитником – единственным человеком, способным хоть чем-то помочь попавшему в эту тюрьму. А прикованный наручниками к столу невысокий жилистый мужчина со шкиперской бородкой соответственно был подследственным, но очень даже непростым подследственным...

Его имя наперебой склоняли газеты, оно почти ежедневно звучало с экранов телевизоров, на планерках РУОПа и МУРа, в камерах СИЗО и в фешенебельных апартаментах «новых русских». Число убийств, приписываемых этому человеку, множилось с каждым днем.

Имя его – Александр Солоник.

Оно внушало ужас многим: от седых, состарившихся на службе следователей прокуратуры до заматерелых на зонах и пересылках воров в законе; от не в меру борзых авторитетов новой формации, именуемых чаще «отморозками», до уважаемых, уверенных в себе и своей охране банкиров и бизнесменов. «Киллер номер один», «безжалостный наемный убийца мафии», «самая загадочная фигура современной криминальной истории России», наконец, «Александр Македонский» – так именовали сидевшего теперь перед Адвокатом человека, пристегнутого к столу наручниками...

Первым начал Адвокат.

Кашлянул, зашелестел пачкой сигарет и, закулив, произнес:

– Понимаешь, Саша, экспертиза установила, что во время перестрелки на Петровско-Разумовском рынке все пули были выпущены из твоего пистолета. Одних только милицейских трупов – три. Сам понимаешь, против очевидного не пойдешь. Конечно, можно обратиться к прокурору, ходатайствовать о повторной экспертизе, но это наверняка будет расценено как затяжка времени.

Подследственный поморщился – он берег здоровье, не курил, и сигаретный дым всегда раздражал его. Удивительно, но слова об экспертизе, похоже, особо не взволновали Солоника. Взглянув на Адвоката, он ответил:

– Расстреливают у нас не более десяти процентов. А до расстрела... еще дожить надо.

Странно было слышать эти слова от подследственного, на которого повесили больше десятка убийств; последнее же замечание о том, что «до расстрела дожить надо», и вовсе заставило Адвоката вздрогнуть.

– Пойми, – он стряхнул сигаретный пепел, – мне ведь тебя защищать... Необходимо выработать тактику, стратегию, мне нужно знать – что признавать, а что ставить под сомнение.

Солоник вздохнул:

– Да ладно... Какое это теперь имеет значение?!

Они говорили, как и обычно, часа полтора. Удивительно, но подследственный, которому, несомненно, грозила высшая мера, выглядел куда более спокойным и уверенным, нежели защитник. Он улыбался, переводил разговор на какие-то пустяки – мол, хорошо бы снять фильм или написать книгу о его жизни.

Глядя на него, Адвокат невольно думал: так может вести себя человек, наверняка уверенный в своем будущем, или тот, кто уже со всем смирился, или, в конце концов, просто сумасшедший. На второго и третьего его клиент никак не походил...

А последние слова Александра Македонского прозвучали и вовсе странно. Перед тем как в кабинете появились конвойные, он, рассеянно улыбнувшись, произнес:

– Ну, до встречи... Впрочем, как знать: свидимся ли мы еще?!

Сидя за рулем своей «БМВ», Адвокат неторопливо катил по запруженным автомобилями улицам вечерней Москвы.

По соседним рядам Ленинского проспекта проносились автомобили, сигналили, толкались перед перекрестками, суетливо перестраиваясь из ряда в ряд; по грязным, мокрым тротуарам спешили озабоченные прохожие.

Настроение Адвоката было сумрачным и печальным: воскрешались события минувших месяцев, и ничего радостного для себя он в них не находил.

Наверное, правы те, кто утверждает: любое, даже мимолетное соприкосновение одного человека с другим налагает незримый отпечаток на обоих.

Со сколькими людьми, со сколькими судьбами приходилось соприкоснуться ему, Адвокату?

Он не считал.

Он просто делал свою работу – мотался по тюрьмам, изучал дела, ловил следствие на проколах и подлогах, выступал на судах...

Но клиентов, подобных этому, в его практике еще не было.

Кто же он на самом деле, Александр Македонский? Наемный убийца организованной преступности? Рыцарь плаща и кинжала? Тайный агент какой-то законспирированной структуры?

Почти неслышно урчал двигатель, и этот звук навевал ощущение спокойствия и безопасности. «БМВ» аккуратно перестраивалась из ряда в ряд, плавно останавливалась на светофорах, пропускала вперед других: у водителя не было ни сил, ни желания прибавить скорость.

А мысли по-прежнему вращались в привычном, накатанном русле.

Меньше чем полгода назад они впервые соприкоснулись. И теперь он, защитник самой загадочной в российской криминальной истории фигуры, обладает определенной информацией – не всей, конечно, но все-таки...

И рано или поздно информация эта выплеснется наружу – нет ничего тайного, что не стало бы явным. Адвокат знал это слишком хорошо...

Незаметно кончался еще один день в «Матросской Тишине» – пятое июня 1995 года. В неволе дни почти неотличимо похожи один на другой: подъем, баландер с завтраком, допросы, беседы с защитником, ну и еще прогулки, телевизор и газеты – единственная отдушина...

За полгода пребывания в следственном изоляторе таких дней у подследственного Александра Солоника набралось много, очень много. Но один, тот, что впереди, наверняка должен был стать последним. И он даже знал, какой именно...

Пусть в газетах о нем пишут полную ахинею, пусть тележурналисты в нелепых домыслах и предположениях противоречат сами себе, пусть следователи прокуратуры вешают на него все киллерские отстрелы, произошедшие в Москве за последние годы! Он один знает, кто он такой и какую работу выполняет; знает это точно и наверняка – так же, как и то, что последний день его пребывания в этих стенах – сегодняшний.

И, словно в подтверждение этих мыслей, дверь его «хаты» открылась – на пороге стоял коридорный, его человек...

– К прогулке готов? – несколько тише, чем обычно, спросил тот.

Обитатель камеры молча вскочил со шконки – он лежал в кроссовках и в спортивном костюме. Солоник знал: то, о чем он мечтал, к чему стремился, должно произойти через несколько минут...

Какая прогулка в половине первого ночи!

Осторожно подошел к дверному проему – «рекс» чуть посторонился, пропуская его вперед.

– Обожди... – коридорный сунул руку в карман, протянул заключенному какой-то темный предмет; в руку узника СИЗО привычно легла тяжелая рукоятка пистолета.

Он вопросительно взглянул на коридорного.

– «Браунинг», – пояснил тот. – На крайний случай...

Сунув пистолет за пояс, Солоник наконец выглянул наружу. Коридор был пуст. Удивительно, но даже телевизионные мониторы не выдавали привычного мерцания. Первый пост, второй, третий...

Никого.

Минуты, прошедшие с момента выхода из камеры, казались часами. Коридоры, которым, как кажется, никогда не будет конца, посты, пролеты, лестницы, зловещие звуки шагов...

Вскоре оба остановились перед огромной бронированной дверью. Порывшись в карманах, «рекс» извлек набор отмычек. Амбарный замок в тяжелых ушках поддался без скрежета,

так же, как и сама дверь – она плавно и беззвучно отъехала. За ней оказалась площадка, жаркая и пыльная, и лестница, уходящая наверх.

Опрокинутый над столицей купол июньского неба, подкрашенный по краям неровным желтым заревом, выглядел ноздреватым и блеклым. Мелкие звезды сливались с электрическими огнями, и от этого зрелища на душе делалось тоскливо и тревожно.

– Быстрей, быстрей, давай... – нервно торопил коридорный.

Неожиданно он нырнул куда-то в сторону, в темноту, а вынырнув через мгновение, поставил на крышу большую спортивную сумку. Рванул замок – «молнию», извлек кусок брезента, бросил его на колючую проволоку.

– Давай же... – в голосе коридорного звучал неподдельный страх.

Первым полез Солоник, за ним – сопровождающий: сперва перекинул через колючку сумку, затем перелез сам. Александр Македонский взглянул вниз: ярко освещенная улица казалась совершенно пустынной...

В руках «рекса» появилась скрученная альпинистская веревка. Он торопливо размотал бут, щелкнул карабинчиком, пристегивая его к какой-то железке рядом с собой. Пару раз дернул, проверяя на прочность. Убедившись, что все в порядке, бросил конец вниз.

– Ну, с богом!

Взявшись за веревку, беглец встал на край крыши и принялся медленно, осторожно спускаться. Он даже не догадался вытянуть ноги, и уже через пару секунд сильно ушибся коленями о стену, но боли не почувствовал.

Спускался долго: так, во всяком случае, показалось ему самому. Тонкая веревка острой бритвой резала ладони, ноги нелепо болтались, проваливаясь в зияющую пустоту, тело раскачивалось, как маятник...

Пятый этаж, четвертый, третий...

Справа – зарешеченные глазницы неосвещенных окон, над головой – сочащееся желтой кровью небо, внизу – какие-то строения, медленно выплывающие из темноты.

Второй этаж – осталось несколько метров. Сейчас, сейчас, еще чуть-чуть – и можно прыгать вниз.

Прыжок – двухскатная металлическая крыша будочки запела, завибрировала под ногами. Солоник, потеряв равновесие, скатился вниз, но удивительно четко зафиксировал тело на ногах.

Неужели свершилось?!

Подняв голову, беглец увидел, как «рекс» перебрасывает свое тело через парапет крыши. Взялся за конец веревки, натянул, чтобы тому было проще спускаться. Ожидание длилось целую вечность – Солоник не считал, сколько времени прошло с того момента, когда он покинул камеру.

Да и кто бы на его месте вел отсчет времени?

А внизу их уже ждали: темный мертвый контур припаркованной неподалеку иномарки внезапно ожил, на мгновение мигнув фарами, и беглецы поняли – это за ними.

Спустя мгновение недавний узник спецкорпуса СИЗО и его помощник уже сидели в теплом темном салоне, а еще через несколько секунд машина, тихо заурчав двигателем, медленно покатила по ярко освещенной улице.

Ехали минут двадцать, потом свернули в какой-то дворик.

– Выходи и быстро в «Скорую», – последовала короткая и бесстрастная команда водителя, и по интонациям Солоник определил: команда эта относится исключительно к нему.

Слева действительно стоял реанимобиль, борт его белел на расплывчатом фоне серой стены, на матовых окнах виднелись кресты цвета сырого мяса.

Он подошел к задней дверце – она тотчас же открылась, и из темноты к нему протянулись руки, втягивая в чрево реанимобиля.

– Быстро раздеться, лечь на носилки...

Беглец медлил, но невидимые спасители подгоняли его. Судя по интонациям, они нервничали не меньше его самого.

Шорох срываемой одежды, прикосновение простыни к обнаженному телу, сладковатая вонь кислородной маски, натянутой на лицо...

Над головой взвыла сирена, и вскоре реанимобиль, отбрасывая на асфальт и стены домов тревожные синие проблески, растворился в ночи...

Машина с красным крестом, продолжая разбрасывать вокруг себя пронзительные всполохи, мчалась по московским улицам. На крыше то и дело завывала сирена, а в голове беглеца ржавым гвоздем засели привычные мысли.

Лишь один он, таинственный суперкиллер, знает, кем был все это время на самом деле и какую работу выполнял; лишь один он знает, кто стоит за ним; лишь один он знает, почему ему устроили этот побег... В конце концов, он – один из немногих, понимающих конечную цель появления на свет себя самого, но в новом облике – Александра Македонского.

Перед мысленным взором пронеслась длинная череда суматошных дней и событий безвозвратно минувшего прошлого: что-то он, Александр Солоник, знал наверняка, о чем-то лишь догадывался, а о чем-то приходилось только предполагать.

Впрочем, за достоверность предположений никто не мог поручиться в точности, даже он сам...

Глава 1

15 мая 1988 года в 17 часов 34 минуты по московскому времени у офиса влиятельного коммерческого банка в самом центре Москвы остановился роскошный темно-синий «Мерседес» с тонированными антрацитно-черными стеклами. Вне сомнения, владелец машины был человеком серьезным, влиятельным и далеко не бедным – а значит, по теперешним неспокойным временам имел все основания опасаться за свою жизнь. Именно потому «Мерседес» внешне выглядел тяжеловато, что вообще характерно для бронированных машин. Позади вызывающе шикарного автомобиля катила скромная, неприметная в московской автомобильной сутолоке молочная «девятка» с вооруженной охраной.

Дверца автомобиля медленно открылась, и из него вышел тщательно причесанный вальяжный господин: клубный пиджак с золотыми пуговицами, дорогой «Ролекс» на запястье, отливающая тусклым золотом заколка стодолларового галстука, самодовольное лицо, подчеркнутая уверенность движений – все это свидетельствовало о том, что посетитель банка – человек явно преуспевающий.

Обладатель клубного пиджака сделал водителю и охране привычный знак рукой: ждите тут, я ненадолго. Остановился, брезгливо поморщился, вдыхая пахнувший бензином и гудроном воздух, и, толкнув стеклянную дверь офиса, вошел внутрь.

Охране и водителю действительно не пришлось скучать: хозяин пробыл в банке совсем недолго – в 17 часов 52 минуты он уже возвратился. Выходил господин из офиса не один – рядом, подчеркнуто демонстрируя почтительность, семенил невысокий верткий молодой человек, по виду мелкий клерк. Он что-то доказывал визитеру, но тот, казалось, его не слушал, но механически кивал головой, поддакивал, а мыслями, видимо, был где-то далеко.

Не доходя нескольких метров до «Мерседеса», они остановились. Лицо молодого приобрело жалкое и просительное выражение – дескать, обождите хоть минуточку, я еще не все сказал.

Хозяин «Мерседеса» повернул к спутнику холеное лицо, но в этот момент нечто совершенно неожиданное заставило его резко обернуться в сторону...

Пронзительно скрипнули тормоза, и на противоположной стороне тихой улочки остановилась потрепанная зеленая «копейка» с номерным знаком, облепленным жидкой грязью. Стекло задней дверцы быстро опустилось, и оттуда мгновенно высунулся тупой ствол «калашникова» с пламегасителем. И тут же гулкая очередь пропоролла обманчивую тишину спокойной московской улицы. Мужчина в клубном пиджаке нелепо взмахнул руками, словно хватаясь за воздух, но, отброшенный пулями, свалился на бетонные плиты. Несколько одиночных выстрелов – и молодой спутник уже лежал под передним колесом «Мерседеса» с простреленной головой.

Все произошло молниеносно. Охрана, не сориентировавшись в обстановке, так и не успела что-либо предпринять. Спустя несколько секунд со стороны зеленой «копейки» что-то протяжно ухнуло – с таким звуком обычно стреляет армейский гранатомет. В белую «девятку» охранников ударил плотный огненный смерч, и машина сопровождения, перевернувшись набок, мгновенно загорелась.

Расправа заняла не более двадцати-тридцати секунд – в 17 часов 56 минут зеленая «копейка», взвизгнув по асфальту протекторами, набирая скорость, уже уносилась с места трагедии...

Пожилой мужчина явно начальственного экстерьера, взяв в руки пульт дистанционного управления, щелкнул кнопкой «стоп-кадра» – картинка горящей машины охраны застыла на огромном телеэкране.

Удивительно, но расстрел преуспевающего банкира и взрыв машины сопровождения, произошедшие вчера возле известного в Москве коммерческого банка, удалось случайно записать на видеопленку: сразу несколько скрытых камер наружного видеоконтроля бесстрастно фиксировали трагедию. Кадры эти и стали основными вещественными доказательствами.

Пожилой мужчина вновь перемотал кассету, в который раз сосредоточенно просматривая террористическую акцию. Нажимал на «стоп», фиксируя малейшие детали. Вновь перематывал пленку назад, сверял цифры минут и секунд, мерцающие в правом нижнем углу кадра. Казалось, он хотел найти что-то новое, то, что сразу не бросалось в глаза, но тем не менее способное пролить свет на то, что произошло. Ему хотелось рассмотреть исполнителей, но – тщетно.

Ничего нового: ничем не примечательная зеленая «копейка», ствол автомата, выглядевший в кадре немного смазанным, окровавленные бетонные плиты перед офисом, столб огня над молочной «девяткой»...

Щелчок кнопки дистанционного пульта – изображение, стянувшись в одну микроскопическую точку, исчезло.

– Явно профессионалы, – вздохнул пожилой мужчина и, повертев пульт в руках, положил его на телевизор. Затем неторопливо прошелся по кабинету, задумчиво изучая узор ковровой дорожки, ведшей от огромного стола к двери мореного дуба.

Дойдя до книжного шкафа, он мельком взглянул на собственное отражение в стекле. Хозяину кабинета обычно нравился собственный интеллигентный вид, более подходящий университетскому профессору, нежели ответственному государственному лицу, – и хорошо отточенная мягкость движений, и тонкие поджатые губы, и большие, хотя и глубоко посаженные глаза... Но теперь он выглядел слишком усталым и потому остался недовольным собой. Сердито отвернулся от собственного отражения и, пытаясь сосредоточиться, окинул взглядом привычную обстановку кабинета.

Над столом, покрытым зеленым сукном, с четырьмя телефонами и дорогим письменным прибором висел огромный портрет Дзержинского. На окнах – гофрированные белые занавески. Обстановку кабинета дополняли несгораемый шкаф у двери в комнату отдыха, машинка для уничтожения бумаг в углу, пара кресел, стулья... Неприязненно взглянув на Железного Феликса, хозяин всего этого казенного великолепия вновь вернулся к столу и погрузился в чтение служебных бумаг...

Сегодня у этого человека были все основания для скверного настроения. Неделю назад ему, генерал-майору, заместителю начальника Главка Центрального аппарата КГБ СССР было поручено составить подробный меморандум по общей картине организованной преступности и криминогенной ситуации и вынести резюме. Вообще-то структура, именуемая в просторечии бессмысленно-пугающим словом «органы», в прежние времена, как правило, не занималась ничем подобным: для борьбы с преступностью существуют младшие братья из милиции. Но теперь самое высокое начальство пришло к выводу, что отечественный криминалитет, именуемый в последнее время модным заграничным словечком «мафия», превратился в столь серьезную силу, что стал угрожать самим основам государственности. Именно поэтому стратегические вопросы и были переданы в ведение структуры, отвечавшей за государственную безопасность. Были, конечно, и другие причины: в прессе, на телевидении и в Верховном Совете советских чекистов не ругал только ленивый – от бывшего коллеги, генерала Олега Калугина, до школьных уборщиц. Ничего не поделаешь, веяние времени, – к подобному следовало относиться как к стихийному бедствию. Правда, тут, на Лубянке, на здоровую и нездоровую критику реагировали весьма болезненно; накал общественных страстей мог спровоцировать соответствующие оргвыводы. И потому необходимо было во что бы то ни стало доказать общественную и государственную полезность «конторы» в ее теперешнем состоянии. Руководство Комитета схватилось за оргпреступность железной хваткой: это был реальный шанс сохранить

штаты, размеры финансирования, поддержать пошатнувшийся авторитет «органов». А еще – изменить невыгодный имидж «душителей демократии», «тайной полиции» и «опричников» на более привлекательный – «неподкупных рыцарей по борьбе с мафией».

Многоопытные чекистские аналитики однозначно просчитали наиболее вероятный сценарий дальнейших событий: еще несколько лет – и лидеры этой самой отечественной мафии превратятся в одну из самых влиятельных сил в стране, которая неотвратимо катится в пучину бандитского беспредела.

Генерал-майору КГБ, известному на Лубянке под оперативным псевдонимом Координатор, предстояло изучить предоставленные референтурой совсекретные документы и видеозаписи (одну из которых он только что просматривал) и составить подробный меморандум на имя председателя Комитета.

Документы, видеозаписи и аналитические прогнозы изучались им долго и предельно тщательно. Чем подробней прояснялась общая картина, тем мрачней вырисовывалась ситуация. И не только будущая, но и сиюминутная. Не зря вся документация имела грифы «совершенно секретно» и «особой важности». Попади она в прессу – и вселенский скандал неминуем.

Казалось, бандиты имеют все: совершенную спецтехнику, транспорт, оружие, деньги, многочисленные связи среди коррумпированных сотрудников МВД и прокуратуры, наемных профессионалов, многие из которых, кстати говоря, переметнулись в криминальные структуры из «компетентных органов»...

Большинство серьезных преступлений, как правило, переходили в разряд «висяков» – явно заказные убийства, дерзкие «наезды» на бизнесменов, умышленное уничтожение материальных ценностей...

Но даже в редких случаях поимки бандитов посадить их весьма проблематично. Свидетели, если таковые и есть, грамотно запугиваются, вещдоки исчезают, продажные милицейские следователи профессионально разваливают дела, нищие судьи и прокуроры покупаются на корню, как и руководство Главного управления исправительно-трудовых учреждений. Зоны всех четырех режимов (общий, строгий, специальный и тюремный) давно уже превратились в школы профессиональной преступности: авторитеты криминального мира, попадавшие в места лишения свободы из разных регионов страны, во время отсидки делятся опытом «работы», авторитеты умудряются руководить происходящими на «вольняшке» процессами и из-за колючей проволоки.

Черновик меморандума был почти составлен: картина получалась достаточно устрашающей. Но главного – резюме, то есть действительно серьезного рецепта борьбы, Координатор выдать так и не смог.

Ужесточить пенитенциарную систему?

Такое уже было в начале шестидесятых, когда Хрущев обещал раз и навсегда покончить с профессиональной преступностью. Тогда неподалеку от Соликамска была организована экспериментальная зона тюремного режима – и поныне печально известный «Белый Лебедь». Именно здесь выработалась практически безошибочная методика борьбы с так называемой отрицаловкой.

Блатные авторитеты из близлежащих лагерей свозились в несколько барачных отгороженных от остальных и от промзоны. Естественно, паханы выбирали из своей среды самого грамотного и влиятельного. Едва только на зоне утверждалась власть пахана, как его тут же переводили в БУР, то есть в барак усиленного режима, а на его место тут же привозили другого пахана с другими «жуликами» и «торпедами» (так называется воровское окружение). После утверждения власти новоиспеченного главаря и его друзей помещали вместе со старым паханом и соответственно его друзьями. Как следствие начиналась борьба за власть. Попытки массовых бунтов посредством засылки «маляв» в другие зоны и на этапы пресекались бесповоротно и на корню. После жестокого кровопролития между старым и новым паханом побеждал,

по Дарвину, сильнейший, трупы хоронились на кладбище зоны, а в нее по этапу тем временем уже направляли очередного пахана со своими «торпедами»...

Координатор был совершенно уверен: то, что при социализме казалось стопроцентной панацеей, теперь, в начале девяностых годов, выглядело бы как минимум анахронизмом. Официальный курс Горбачева на «гуманизацию общества» и связанные с ней послабления системы уголовных наказаний, равно как и период «дикого капитализма» с пресловутым «первоначальным этапом накопления капитала», не способствовали возвращению к жестким коммунистическим нормам ГУЛАГа, а потому следовало изыскивать новые решения.

Проведение закона о свободном ношении оружия «для необходимой самообороны», как уже предлагалось в Верховном Совете?

В условиях свинцовых мерзостей российской действительности подобное – совершенная дикость: народ начнет стрелять друг друга в очередях и на коммунальных кухнях. К тому же новым законом, если бы он каким-то чудом был принят, воспользуются прежде всего далеко не самые законопослушные граждане.

Коренная реформа Уголовного кодекса, содержание осужденных по американской системе?

Тем более нереально: у государства нет столько денег, да и не предвидится в ближайшем будущем...

Хозяин кабинета, отложив чистый лист бумаги, пружинисто поднялся со своего места, подошел к окну, долго смотрел, как по стеклу беспорядочными траекториями сбегают дождевые капли.

Над центром Москвы зависла низкая грозовая туча, по Лубянской площади, пригибая головы от порывистого ветра, шли редкие прохожие. Им бы его заботы...

Повернувшись спиной к белым больничным занавескам на окнах, он закурил, задумался, покусывая сигаретный фильтр, и вновь его взгляд невольно упал на портрет Дзержинского, висевший над столом.

Да, тогда, в романтические времена кровавого противостояния белых и красных, все было просто: «Губдесертир», расстреливающий без суда и следствия; ЧК, решающая любые вопросы с революционной непосредственностью, по законам военного времени; система заложников – «сто ваших за одного нашего»... Впрочем, считал Координатор, в те времена подобные методы целиком и полностью оправдали себя: бандитизм, захлестнувший РСФСР, был ликвидирован в несколько лет. Теперь же, чтобы посадить откровенного бандита, надо исписать горы бумаги, опросить свидетелей, провести десятки дорогостоящих экспертиз, разрушить хитроумные препоны, выставяемые адвокатами... Но тот же бандит через несколько лет все равно выйдет на свободу условно-досрочно или по амнистии, но уже куда более обогатившийся, опытный и коварный.

Страхивая с сигареты пепел, Координатор косился на казенный портрет и невольно поймал себя на мысли: наверное, неплохо было бы и вернуть некоторые методы родного ведомства, по крайней мере, внутри страны. Ведь ни для кого не секрет, что тот же Первый Главупр, занимавшийся преимущественно внешней разведкой, действовал и действует по формуле «цель оправдывает средства». У голубоглазых мальчиков и за границей длинные руки: внезапно наехавшей машиной по стенке размазать, током из неисправной розетки шарахнуть, отравленным зонтиком уколоть, в шахту лифта столкнуть, а то и авиакатастрофу организовать.

Незаконно?

Антиконституционно?

А кто теперь может провести четкую грань между законом и беззаконием? Да и в любом правиле есть исключения, примеров можно привести массу.

Тот же лидер французской Четвертой республики Пуанкаре, которого трудно обвинить в нелюбви к высоким идеалам гуманизма и демократии, однажды распорядился собрать всех парижских уголовников, вывезти их за город и запросто расстрелять.

А драконовские законы, принятые в некоторых латиноамериканских республиках, – пресловутые «эскадроны смерти»?

И относительно свежий пример – Южная Корея. Заместитель Координатора, переведенный к нему из Первого Главупра, некоторое время под видом торгового атташе проработал в Сеуле, и одним из самых сильных впечатлений была очистка столицы от уголовников. Все решилось не просто, а очень просто: Президент Чон Ду Хван, раздраженный медлительностью органов правопорядка и разгулом преступности, отдал категорический приказ: в три дня очистить город от бандитов. Что и было сделано – всех более или менее серьезных южнокорейских паханов развезли по полицейским участкам, после чего незамедлительно расстреляли. Резонанс был оглушительный; эффект получился не столько карательный, сколь назидательный. Во всяком случае, нынешний Сеул по криминогенности – одна из самых благополучных мировых столиц.

Расстрел без суда, а значит, нарушение презумпции невиновности, процессуальных формальностей и прочих конституционных прав?

Но зато сколь блестящим оказался конечный результат! Сколько жизней сберегла эта антигуманная акция, сколько проблем решила!

Наверное, это как раз тот вариант, когда цель оправдывает средства.

Координатор, резко затушив окурков, отошел от окна. Теперь капли, попадающие на оцинкованный подоконник, не успокаивали, а раздражали. Кажется, хозяин кабинета понял, что является единственно правильным выходом. Мысли работали ясно и четко, нужные формулировки возникали сразу же, сами по себе – будто бы на автопилоте. Его охватило такое чувство, которое, наверное, должен испытывать летчик в ту самую секунду, когда тяжелый боевой самолет отрывается от бетонной полосы, а пилот чувствует всем естеством – лечу, лечу, все нормально! Сейчас вот только развернусь на цель, и...

Расслабил узел галстука, налил себе из термоса кофе, поставил перед собой чашечку и, рассеянно размешав серебряной ложечкой сахар, откинулся на спинку кресла. Безусловно – иного резюме, иного рецепта избавления общества от метастаз преступности, кроме грубого хирургического вмешательства, нет и быть не может.

Да, только физическое устранение всех этих воров, паханов и авторитетов – это, пожалуй, единственно правильный путь, единственно действенный способ наведения порядка в стране. Следствия, суды, зоны не решают проблему. Как когда-то сказал Максим Горький – «если враг не сдастся, его уничтожают». А то, что враги сдаваться не собираются, более чем очевидно.

Расчистив стол от бумаг и отключив телефоны, Координатор принялся сочинять меморандум на высочайшее имя – документ сочинялся на принятом в этих стенах канцелярском новоязе, но он был уверен, что его поймут правильно.

Заканчивая черновик, хозяин кабинета прошептывал каждое слово, каждое выражение, и слова эти мелкими брызгами падали на финскую мелованную бумагу:

«...оргпреступность серьезно тормозит экономические реформы, более того – самим своим существованием выставляет силовые структуры в частности и государство в целом в крайне невыгодном свете, компрометируя их в условиях гласности в глазах общественности...»

«...в силу известных причин лучшие, опытные кадры КГБ незадействованы или работают не в полную силу...»

«...значительная коррумпированность высшего и среднего звена МВД и большей части прокурорских работников не дает оснований считать, что борьба с оргпреступностью лишь в формальном соответствии с буквой и духом закона принесет весомые результаты...»

«...в условиях резкого перехода экономики страны на рыночные рельсы использование старых методик не может быть оправданно...»

«...учитывая стремительную криминализацию общества в целом и экономики – в частности, принять незамедлительные меры...»

«...общество оказалось неготовым к сложившейся ситуации...»

И – самое главное:

«Кардинально изменить ситуацию может только силовое решение проблемы. Необходимо создать экспериментальную структуру для физической ликвидации наиболее влиятельных лидеров отечественной оргпреступности».

Дописал, несколько раз перечитал вполголоса – вроде бы достаточно убедительно.

Теперь оставалось немного – отдать черновик в референтуру, на «оформление», после чего, перечитав еще раз и отредактировав наиболее скользкие места (те самые процессуальные формальности вроде «презумпции невиновности»), отдать председателю КГБ...

К концу рабочего дня все было готово – меморандум отредактирован окончательно и отдан в канцелярию председателя, на прочтение. Правда, относительно непосредственных исполнителей возникла небольшая заминка – привлекать для этих целей офицеров из «силовых» Седьмого и Девятого Главков (соответственно – спецназы и охрана членов правительства и ЦК) было более чем проблематично, но Координатор с присущей ему дипломатичностью вывернулся и тут, предложив привлечь проверенных ребят, прошедших Афганистан, или же, используя противоречия в преступной среде, – лиц, по тем или иным причинам отошедших от криминалитета, но в той или иной мере «замазанных» перед законом. Второе представлялось более удобным – «замазанные» легко управляемы, потому что их удобно шантажировать.

Когда за окнами стемнело и над подземным входом в метро «Лубянка» зажглись кроваво-красные, как мясной филей на срезе, буквы «М», хозяин начальственного кабинета, преисполненный ощущением хорошо прожитого дня, вызвал из гаража служебный автомобиль, накинул плащ, но в самый последний момент вновь поставил в видеомаягнитофон кассету – ту самую.

Наверное, он помнил ее наизусть – включая цифирьки часов, минут и года в правом нижнем углу. Причаливший к тротуару тяжелый темно-синий «Мерседес», потрепанная зеленая «копейка», автоматный ствол, окровавленные бетонные плиты перед офисом, столб огня над молочной «девяткой»...

– Чем же тогда мы будем отличаться от них? – спросил он себя вслух. Ответ самому себе прозвучал парадоксально: – Да ничем...

Предложение Координатора было принято руководством с некоторыми сомнениями – все-таки теперь не 1919 год с его «красным террором», и действовать подобными кавалерийскими методами как минимум сомнительно. Да и нет ничего тайного, что не становится явным. Утечка информации рано или поздно произойдет, и реакцию общественного мнения, подогреваемого ненавистной прессой и еще более ненавистным телевидением, предугадать нетрудно.

Но все-таки руководство дало согласие – видимо, картина, описанная в меморандуме, действительно оправдывала самые худшие опасения. Так при Главке Координатора появилось отдельное силовое подразделение «С». Правда, появилось пока лишь на бумаге – предстояло решить множество технических проблем: финансирование, материальная база, кадры... Но, как бы то ни было, к середине лета подразделение «С» уже существовало как боевая единица – правда, скорее экспериментальная. Авторитетные аналитики из Пятого («идеологического») Главупра, просчитывающие ситуацию, опытные инструкторы из «семерки», экономисты – подбор кадров давал основания считать, что конечная цель, поставленная перед этим «эскадронной смерти», будет решаться оперативно и грамотно. Координатор занимался детальным под-

бором исполнителей – эта проблема, одна из самых скользких, должна была разрешиться до конца года.

Но одно дело – решить проблему теоретически, умозрительно, то есть на бумаге. Совсем другое – правильно подобрать кадры, изыскать финансы, решить массу технических моментов, которые при составлении меморандума не представляются серьезными. К тому же в самый разгар создания новой структуры из-за планового сокращения центрального лубянского аппарата сам Координатор вышел в резерв по возрасту.

Как ни странно, но изменение в статусе бывший генерал-майор спецслужб пережил почти безболезненно. В отличие от многочисленных коллег он не впадал в запой, не пытался пустить себе пулю в лоб и не вербовался в «горячие точки».

Основания для спокойствия давали многие вещи – во-первых, наработанные за время службы связи, позволившие заняться относительно серьезным бизнесом. Во-вторых, жизненный опыт: кто-кто, а Координатор прекрасно знал, что он рано или поздно пригодится родному ведомству (правда, возможно, в ином качестве). Ну а в-третьих – и это самое главное! – все нити структуры «С» по-прежнему оставались в его руках. Тайное спецподразделение было его, и только его, детищем; генерал-майор был уверен, что у человека, занявшего его бывший кабинет, вряд ли хватит выдержки, опыта и ума, чтобы вести правильную политику. Да и не поручит ему начальство столь щекотливое задание.

Впрочем, он прекрасно оценивал возможности родной «конторы». В случае активизации структуры «С» она рано или поздно попала бы в поле зрения бывших коллег – а потому следовало найти компромисс.

Координатор, скрытый честолюбец и опытный интриган, не мог не понять очевидного: теперь, в начале девяностых, принадлежность к органам уже не давала той безусловной власти, как несколько лет назад. Причастность к высшим государственным интересам и идеология отошли на задний план; теперь в Москве, да, пожалуй, и во всей России, все решали прежде всего деньги.

Структура «С», выведенная с Лубянки, никоим образом не соотносилась с государством и, естественно, никак не подкармливалась, а это значит, что ей рано или поздно пришлось бы функционировать на самофинансировании, добывая для себя средства к существованию.

Выход, который напрашивался сам собой, был найден быстро: Координатор зарегистрировал (естественно, на подставное лицо) охранную фирму, под вывеску которой в короткий срок собрал бывших коллег. Нынешние коллеги помогли с льготами по налогам. Это решало проблему существования «С», но лишь частично, разве что в плане легализации.

Взвесив «за» и «против», бывший руководитель спецслужб дошел до очевидного: ликвидация всех этих паханов, воров и авторитетов ради самого факта ликвидации, то есть акта неотвратимого, но справедливого возмездия (как и было задумано первоначально), – предприятие как минимум глупое и наивное. Теперь, в эпоху «дикого» капитализма, ликвидация оправдана лишь в том случае, если деньги криминалитета переходят к законной власти.

А какая власть в нынешней России законная, об этом Координатору можно было и не говорить: сам ее более двадцати пяти лет утверждал и защищал. Уж наверняка не та, которая красуется по телевизору. Умные люди никогда не светятся – утверждение настолько очевидное, что не требует доказательств.

С такими мыслями он отправился на родную Лубянку, записался на прием к высокому начальству – аудиенция была дана, и резервный генерал беседовал с действующим часа четыре.

Координатор вышел из высокого кабинета усталый, но довольный и улыбающийся – хозяин проводил его до дверей, улыбаясь в ответ, – по этим улыбкам можно было догадаться, что они обо всем договорились.

Или почти обо всем.

Отослав за какой-то надобностью секретаря, лубянский начальник спросил хитро:

– А вы не боитесь, что идея имеет свою изнанку?

– Какую именно? – спросил посетитель, примерно понимая, какой вопрос теперь следует; он уже был внутренне готов к нему.

– Эта структура, которую вы задумали еще в свою бытность тут... противозаконна и антиконституционна. Вы ведь сами понимаете.

Собеседник кивнул:

– Естественно.

– Но противозаконность действий порождает естественную вседозволенность руководства и исполнителей. Соккрытие информации ведет к тотальному государственному беспределу – последнее куда хуже беспредела бандитского, – наконец сформулировал хозяин. – Чем же тогда вы будете отличаться от какой-нибудь люберецкой или, скажем, солнцевской преступной группировки?

– Ничем, или – почти ничем. Цель оправдывает средства, а из двух зол, как известно, выбирают меньшее. А потом, деньги ведь не пахнут, – резервный генерал спецслужб был убежден, что афоризмы, особенно если они связаны логически, всегда действуют убедительно.

Пожалуй, последний афоризм прозвучал наиболее веско – Координатор уже знал, что теперь, в начале девяностых, он актуален не только для коммерческих, но и для лубяnskих структур...

Глава 2

Небольшой город Курган – неприметная точка на огромной желто-зеленой евразийской карте России, в черно-синем переплетении артерий автомобильных и железных дорог – почти ничем не примечателен. Грязно-синяя вена реки Тобол, темные трубы отравляющих воздух заводов, геометрически-правильные железобетонные коробки пролетарских микрорайонов по окраинам, редкие автобусные остановки, как мухами, облепленные по утрам спешащим на родные заводы похмельным рабочим классом.

Не город – областной центр, административная единица. Подобных в России десятки, и все, как один, неуловимо похожи друг на друга.

И уж если, не дай бог, доведется тут родиться и жить, то вряд ли можно рассчитывать в дальнейшем на что-то путное. В таком городе, как правило, не живут – существуют.

В тоске забранного в бетон пространства жизненный сценарий предопределен на много лет вперед: школа, ПТУ, заарканивание дешевых, вульгарно покрашенных телок на дискотеках, армия, женитьба, завод по производству чего-то важного для страны, но по большому счету ненужного, праздники – баньки по субботам, бытовые пьянки с приятелями и соседями по воскресеньям, как-то незаметно перерастающие в бытовые драки с жестоким кровопролитием...

Тут, в провинциальных областных центрах, люди живут не мыслями и чувствами, а инстинктами, по большей части темными и непредсказуемыми. И, наверное, именно потому в таких городках милиция лютует, как нигде. Может быть, и справедливо: если бы не подсознательный страх перед ментами, если бы не угроза наказания, вся эта дикая орава вечно пьяных бывших пэтэушников, полных нереализованной силы молодых пролетариев, как саранча, разбрелась бы из своих малосемеек, общаг и времянок, насилая, грабя и сжигая все, что ни попадется, на своем пути.

Короче – снedaемое темными и непредсказуемыми страстями огромное, трудноуправляемое человеческое стадо, которое надо держать в жесткой узде, не боясь перебрать. И потому именно правоохрaнительные органы в лице ментовки и прокуратуры – поводыри, пастухи и воспитатели одновременно, руководящая, направляющая и карающая сила; само богатство определений говорит о серьезности проблемы.

Наверное, именно о карающей функции правоохрaнительных органов и думала погожим весенним утром женщина-следователь городской прокуратуры Кургана, допрашивая невысокого молодого человека.

Она была подчеркнута деловита, грубовата и показательно строга – качества, вполне подходящие для человека этой совсем неженской должности. Профессиональный цинизм и план по раскрываемости преступности быстро приучают плевать на человеческие судьбы. На ней была синяя юбка, чем-то неуловимо напоминающая униформу, строгая белая блузка. На столе – служебные бумаги, телефон черного эбонита, папка с тесемками. Выражение лица – бездушное и безучастное – как нельзя более подходило к казенному слову «прокуратура». Наверняка это на вид бесполое существо и внешность свою получило из казны вместе с папкой, телефоном и этим маленьким кабинетом.

А вот допрашиваемый, наоборот, выглядел спокойным, держался вежливо и рассудительно: так может смотреться человек, уверенный в себе. Немного оттопыренные уши, короткая стрижка темных волос, рельефные мускулы качка, хорошо угадываемые под курткой, – классический курганский типаж. Он почти не выказывал волнения, и лишь глаза иногда беспокойно бегали, не в силах задержаться на чем-то одном.

– Итак, с заявлением потерпевшей вы уже ознакомлены, – произнесла следователь, глядя на допрашиваемого так, словно бы он был мелкой деталью интерьера. – Вы признаете факт изнасилования?

Подследственный передернул плечами.

– Нет.

– Но ведь факт интимной близости – признаете?

– Естественно, – спокойно согласился молодой человек. И тут же добавил поспешно: – Но это было давно... Чуть меньше года назад и по обоюдному согласию. Я уже и забыл...

– Но в заявлении потерпевшей указано, что в отношении ее было применено насилие. – Несомненно, следователь прокуратуры не верила молодому человеку – то ли исходя из женской солидарности с потерпевшей, то ли из профессиональных соображений. – А год назад или вчера... Давности по данной статье не существует.

– Товарищ следователь, я ведь сам в милиции служил, – казалось, молодого человека было трудно смутить. – Это явная подставка. Где свидетельские показания? Где данные медицинского освидетельствования? Почему я узнаю обо всем этом только теперь?

– Значит, факта изнасилования вы не признаете. – Не принимая контраргументы, следователь взглянула на часы: она явно куда-то торопилась. – Хорошо. А как вы объясните, что, кроме этого, на вас поступило еще три заявления и по той же статье?

– Разрешите взглянуть, – молодой человек недоверчиво поджал губы.

Лицо хозяйки кабинета приобрело сонное выражение:

– Прошу.

Серая бумага, катящиеся круглые буквы – по всему видно, под диктовку писалось.

«...Познакомились с ним в парке, спустя полчаса он предложил мне вступить в интимную близость. Когда я отказала, ко мне было применено грубое насилие... Половая близость в извращенной форме...»

Подследственный категорично отодвинул бумаги:

– Вранье. Таких не знаю.

– Да только они вас откуда-то знают, – бумаги профессионально быстро исчезли в папке с веревочными тесемками. – Значит, вы отказываетесь?

– Да.

– А как же со свидетельскими показаниями? Кстати, вот и они.

Впрочем, свидетельские показания, явно сфабрикованные так же, как и заявления «потерпевших», можно было и не читать. Стало очевидно – если уж его, пока еще подследственного, хотят посадить по одиозной 117-й статье, то посадят наверняка.

И надо же – целых четыре изнасилования... Хорошо еще, что не всех одновременно.

Хозяйка кабинета вновь посмотрела на часы, заерзала и, раскрыв папку, произнесла:

– Следствию необходимо еще раз уточнить анкетные данные.

– Хорошо, – молодой человек взглянул на нее с явной ненавистью.

– Фамилия?

– Солоник.

– Имя-отчество?

– Александр Сергеевич.

Дешевая ученическая авторучка следователя что-то пометила в папке.

– Значит, после окончания школы поступили в техникум, призвались, проходили службу в Группе Советских войск в Германии, потом перевелись в техникуме на заочное отделение, работали в милиции, получили направление в Горьковскую высшую школу милиции, откуда вас отчислили за аморальное поведение... Затем – автоколонна, служба во вневедомственной охране, после увольнения работа на спецкомбинате. Все правильно? – говорившая взглянула не на собеседника, а поверх его головы.

– Да, – анкетные данные уточнялись в который уже раз.

– Вот и хорошо. Гражданин Солоник, – следователь поднялась более поспешно, чем требовалось, – вопросов к вам больше нет, вы свободны.

– Простите, а как же очная ставка? Как же медицинское освидетельствование? Откуда вообще эти три взялись? – забеспокоился тот, кого только что назвали гражданином Солоником. – Я ведь сам в милиции служил, знаю, что такое закон.

– Не учите прокуратуру вести следствие, – отрезала хозяйка кабинета. – А то, что вы служили в органах внутренних дел, мы учли. По такому обвинению вас вполне могли поместить в изолятор временного содержания, взамен взята подписка о невыезде. Все, свободны. На суд явитесь по повестке, в противном случае будете подвергнуты насильственному приводу.

И равнодушно отвернувшись, давая понять, что беседа завершена.

Подследственный вздохнул, пробормотал нечто невнятное и вышел из кабинета.

Он двинулся по устланному потертой ковровой дорожкой коридору, мимо дверей служебных кабинетов с картонными табличками, вдоль облупленных стен, в густом запахе слежавшихся бумаг, пыли, плесени, сырости и еще чего-то нежилого, какой обычно бывает лишь в присутственных местах...

Вышел из подъезда, с удовольствием вдыхая свежий воздух, осмотрелся...

– А-а-а, Солоник? – неожиданно услышал он над самым ухом.

Молодой человек обернулся – прямо на него шел невысокий чернявый мужчина. Выбритые до синевы щеки, короткая прическа, маленькие, глубоко посаженные глазки... Несмотря на штатскую одежду, можно было с полной уверенностью сказать: это – ментовский оперативник.

Опер смотрел на молодого человека снисходительно, с явным превосходством.

– Ну как дела? – спросил он, закуривая.

Резкий дым дешевой «Примы» ударил в ноздри, и посетитель прокуратуры брезгливо поморщился.

– А тебе какое дело?

– Мог бы помочь... Может быть, договоримся?

– А пошел ты в жопу, пидар дешевый, – душевно посоветовал молодой человек.

Наверняка за свою многотрудную службу мусорскому оперу доводилось выслушивать в свой адрес и не такие пожелания, даже не единожды на дню, и потому он не обиделся: видимо, привык за годы службы.

А потому, выдохнув в лицо молодого человека табачный дым, он лишь ухмыльнулся.

– Зря ты так... Ничего, когда тебя на зоне блатные в очко трахнут, вспомнишь, как меня в эту самую жопу посылал...

Нет ничего печальней, чем несоответствие возможностей и желаний, особенно если желания берут верх.

Устремления, цели, смелые планы на будущее – что может быть естественней, если тебе чуть больше двадцати, а ты только что дембельнулся из армии и уверен в себе, если у тебя есть на то все основания?

Горизонты кажутся безграничными, небо над головой – безоблачным и чистым. Рисуешь мысленные перспективы все смелей и смелей и видишь себя где-то далеко отсюда с карманами, полными коричневых хрустящих сторублевок, разъезжающим по столичным бульварам на приличной тачке в окружении доступных и красивых женщин, сильным и всемогущим...

А о чем еще мечтать в Кургане?

Впрочем, жизнь в затхлой провинции, где распитие «Портвейна-72», культпоходы в «стекляшку» с непременно победной дракой кажутся пределом возможного, не способствует иному пониманию ценностей бытия.

И, естественно, Саша Солоник – плоть от плоти курганский – не являл собой исключение. Единственный ребенок в семье железнодорожника и медсестры, казалось, ничем не выделялся среди сверстников. Обыкновенная, без всяких «уклонов», средняя школа, армейская служба в братской ГДР, техникум, где Саша учился без особого рвения и энтузиазма, служба в милиции...

В ментовку он попал скорей по инерции, нежели по осознанному желанию: купился на дешевую романтику в духе популярного советского сериала «Следствие ведут знатоки»: служение законности и порядку, эдакое мушкетерское братство, где один за всех, а все за одного... Впрочем, романтики в нелегкой милицейской службе не удалось бы найти и саперу с миноискателем и собакой, разве что создателям заказанных щелоковским МВД телесериалов: это новый сотрудник понял меньше чем через месяц. Свободное время короталось в пьянках, за игрой в подкидного дурачка, перемежающейся рассказами о постельных победах над местными девицами – по большей части мнимых. В ментовке царил грубый мат, чиновничество, подозрительность, тихое стукачество друг на друга, исподволь поощряемое начальством, и до обидного не наблюдалось какого-либо благородства, подвигов и хитроумных расследований в духе майора Томина и капитана Знаменского.

Мусора ненавидят народ, и народ справедливо платит им тем же: человек в погонах так или иначе вступает в сделку с собственной совестью, и это очевидно для всех. И слышать за собственной спиной шипение – вон пидар, мусор вонючий – нелегкий, но справедливый крест.

Но человек – существо приспособляемое, даже если он в ментовской форме. И если естественная энергия не может быть направлена в нормальное русло (карьера, обогащение, власть), то она находит иные выходы. Как говорится, «вода дырочку найдет». Нашел такую отдушину и сержант МВД Александр Солоник: бабы. Впрочем, в его возрасте выход более чем естественный.

Баб у него было много – счет шел на десятки, если не на сотни. Курганские телки, молодые и красивые, в основном непритязательны и, как следствие, не в пример московским – сравнительно дешевы. Аксиома: если женщина не ценит себя, ее всегда можно купить, главное – угадать с ценой. А цена в условиях развитого социализма в русской провинции была стандартной: накрыть «поляну», выставить бухло позабористей, чего-нибудь наплести о любви, женской красоте и чувствах, намекнуть, что эта встреча с «поляной» и бухлом не последняя, после чего со спокойной совестью совокуплять собственные органы с органами означенной телки до полного изнеможения.

Покупались, как правило, все или почти все – наверное, с тех пор Саша и относился к ним как к глупым продажным животным, которых жестоко презирал, но без которых тем не менее обойтись не мог.

Жизнь текла своим чередом: дежурства в родной ментовке сменялись выходными, одни телки – другими, составлялись рапорты, выносились благодарности и порицания начальства...

Женился, родился сын, затем, как водится, развод, вновь женитьба, еще один ребенок...

Да, жизнь шла по накатанной колее, и молодой сотрудник МВД, конечно же, не знал, какие тучи сгущаются над его головой.

Все началось с поступления в Горьковскую высшую школу милиции. Не то чтобы Саша рвался стать офицером – просто осточертела однообразная жизнь в затхлой провинции. А Горький хотя и не столица, но все-таки большой и относительно культурный город, в котором, кроме всего прочего, можно было всецело предаться единственной страсти – женщинам, благо поблизости ни начальства, ни семьи.

Нижегородки выглядели куда более свежо и незатраханно, чем порядком поднадоевшие курганки, к тому же были куда менее закомплексованны. Короче говоря, едва прибыв на новое место, молодой курсант с головой окунулся в омут непритязательных плотских удовольствий. Постель еще не успевала остыть от предыдущей б...и, а в прихожей уже раздевалась следующая

щая. Телки менялись с регулярностью выходящих с завода ГАЗ новеньких двадцать четвертых «Волг», и все это не могло не стать достоянием начальства.

Был вызов в высокий кабинет, состоялся неизбежно тяжелый разговор.

«Тут слухи пошли, что ты женщин без меры трахаешь», – неприязненно глядя на курганца, молвил пожилой начальник, который в силу возраста и темперамента наверняка не мог похвастаться ничем подобным.

«А что мне – онанизмом заниматься или мужиков трахать? – реакция молодого курсанта была естественной и легко предсказуемой. – Я здоровый мужчина, и с половой ориентацией у меня все в порядке...»

Безусловно, Солоник был по-своему прав, но прав оказался и начальник специфического учебного заведения: все-таки будущий офицер советской милиции должен блюсти моральный облик.

«Вот и хорошо, – сказал он, – если так нравится, трахайся у себя в Кургане».

Пришлось возвращаться на родину. Естественно, моральный разложение вынужден был уйти из милиции – тем более что курганское начальство в ответ на «свинью» отправило в Горький рапорт: такой-то в органах внутренних дел больше не работает.

Но крест на милицейской службе тем не менее поставлен не был. После недолгой работы в автоколонне Солонику вновь предложили надеть погоны, на этот раз во вневедомственной охране.

Служил он в этой структуре, которую наряду с ГАИ не любят сами менты, недолго: вновь залет, и вновь из-за телок.

Так уж получилось, что он с двумя сослуживцами после дежурства привез на «хату» второпях прихваченную барышню, молоденькую продавщицу из универмага. Поставленная «поляна» и количество уже выпитого бухла, по их мнению, должны были склонить непритязательную работницу прилавка к групповым утехам. Однако то ли барышня попала слишком щепетильная, то ли опыта у нее не доставало, то ли бухла в нее влили недостаточно – короче говоря, она заявила, что даст, конечно же, всем, но лишь по очереди, потому как очень застенчивая.

Менты и сам Солоник, на квартире которого и планировалась незамысловатая оргия, попытались было успокоить девушку, но телка попала какая-то нестандартная – закатила истерику со слезами и соплями, швырнула в окно тяжелую хрустальную вазу. Вышло очень некрасиво: скандал, соседи, всеобщее внимание. Продавщицу пришлось отпустить с миром. Но неблагодарная барышня, забыв и о поставленном бухле, и о накрытом в подсобке столе, накатала на Солоника грамотную «свинью» начальству – как на организатора и вдохновителя сексуальных домогательств, равно и хозяина квартиры (притона). Сашу с треском погнали из органов – теперь уж навсегда.

Так Солоник очутился на городском кладбище – могильщиком. Наверное, в такой перемене был скрытый смысл, непостижимая пока ирония: человек, который по долгу службы должен был защищать жизнь сограждан, теперь законно наживался на их смерти.

Давно прошли те времена, когда покосившиеся кресты, печальные надгробия да остроконечные ограды, когда все эти ритуальные веночки, виньетки, розочки, клумбочки и эпитафии «Помним, любим, скорбим» услужливо вызвали в памяти проникновенно печальные поэтические строки, или кладбищенские элегии. Ассоциация с принцем Гамлетом, держащим в руке человеческий череп, равно и похоронная атрибутика наводили на философские мысли о бренности человека и суете сует. Современное кладбище в условиях развитого социализма стало одним из немногих относительно легальных способов обогащения. И потому российский пролетарий, рывший могилы, был далек от классического шекспировского могильщика, всем своим видом напоминающий, что ему обязательно следует дать на водку. Эпоха научно-технической революции скорректировала образ работника кирки и лопаты: рабочий «Спецкомби-

ната» или «Бюро ритуальных услуг» еще в середине восьмидесятых был человеком небедным. Разъезжал по городу на престижной модели «Жигулей» и каждое лето отдыхал в Болгарии или Чехословакии. Он хорошо знал, сколько стоит рытье могилы зимой, сколько можно содрать с родственников за срочность, сколько заломить за престижный участок. И с ним не принято было торговаться.

Ну а глубокую скорбь, которая должна непременно присутствовать в этом печальном ритуальном действе, с избытком поставляли клиенты.

Перемена статуса радовала: незаметно появились деньги, купил машину – пусть подержанная, но все-таки своя. Телки, как известно, клюют на мужчину с автотранспортом: наверняка именно этот фактор оказался решающим. Казалось, теперешним положением надо дорожить, не допуская очередных скандалов. Но человеческая природа, стремящаяся к удовольствиям, несовершенна, а непредусмотрительность, помноженная на молодость, под стать ей; относительно легкие деньги кружили голову...

Новый рабочий «Спецкомбината» никогда не замечал за собой склонности к философским абстракциям и обобщениям, но на курганском кладбище неожиданно для себя вывел две вещи – простых, как кирка, и непритязательных, как самый дешевый гроб: во-первых, смерть, какая бы она ни была, стоит денег. Странно, но часто куда больших, чем сама жизнь. А во-вторых – и это самое главное! – Солоник всем своим естеством понял: все, что его окружает, делится лишь на «них» и на него самого. «Они» – это все остальные, а «он» – это он. А коль жизнь дается один раз, то для того, чтобы прожить ее, не стыдясь за бесцельно прожитые годы, надо использовать любого и каждого в интересах собственной выгоды, но только так, чтобы они этого по возможности не замечали.

А под «собственной выгодой» Саша понимал лишь одно: то, что приносит ему удовольствия.

По – прежнему удовольствие приносили телки. Тогда он еще не знал, что умение внушать страх, например, или полная, безграничная власть над человеком способны также доставить ни с чем не сравнимое удовольствие.

Солоник подсознательно стремился к равновесию – между возможностями и желаниями. Правда, равновесие это оказалось шатким и хрупким...

Бабы менялись чаще, чем катафалки на кладбище, хотя и катафалков тоже было немало. Жизнь казалась спокойной, лишенной опасностей, но это только казалось.

Первый звонок прозвенел через несколько месяцев, но Солоник не придал ему никакого значения.

Несостоявшийся офицер милиции аккуратно по два раза в неделю ходил тренироваться в зал местного спортобщества: выпивал он редко, никогда не курил, постоянно следил за собой. Однажды после тренировки к нему подошел невысокий черноволосый мужичка с круглой женской задницей и невыразительными, словно булыжники, глазами и отвел в забитую старым инвентарем подсобку. Он представился милицейским опером, старшим лейтенантом Владимиром Ивановичем Пантелеевым. После чего развязно предложил стать внештатным сотрудником милиции, иначе говоря – стукачом.

– Для тебя, бывшего сотрудника МВД, это большое доверие, – морщась от острого запаха пота, исходившего от бывшего коллеги, произнес мусор и, даже не дождавшись согласия, продолжил: – К нам в ГОВД поступил сигнал о нарушениях финансовой дисциплины на вашем «Спецкомбинате». Так вот, твоя задача...

– А пошел ты в жопу, говнюк, – лаконично порекомендовал Солоник. – С ментовкой я давно уже завязал, так что ты, пидар, сам в дерьме копайся, если нравится...

Названный пидаром мусор Пантелеев подумал было впасть в амбицию, но, скользнув взглядом по рельефным бицепсам собеседника, решил этого не делать; во всяком случае – здесь и пока.

– Ну как хочешь, – с нехорошей улыбкой, кривившей нижнюю половину его рта, ответил мент. – Смотри, чтобы у тебя неприятностей не было...

Правильно говорят – если неприятности должны произойти, то они произойдут обязательно; тем более если их сулит милицейский опер.

Так оно и случилось...

Как-то с приятелем они отправились в парк культуры и отдыха – общепризнанное место съема телок. Ждать долго не пришлось – прихватили двух первых подвернувшихся, недорогих, но душевных и, что главное, – вызывающе сексапильных. Телки были согласны на все и в первый же вечер. Бывший мент и его компаньон, профессионально оценив их свежесть и дешевизну, усадили девчонок в «жигуль» и повезли в однокомнатную квартиру богатого могилкопателя.

В соответствии с местными канонами холостяцкого гостеприимства была выставлена «поляна», девушки были грамотно напоены и полюбовно разделены. Приятель уединился с той, что назвалась Таней, Саше досталась Катя.

То ли Катя чем-то понравилась ему, то ли девушка, кроме банального траханья, хотела чего-то иного, романтически возвышенного, но так или иначе исподволь приворожила к себе молодого человека. На этот раз Солоник изменил собственным принципам – Катя превратилась в стационарную спермовыжималку, эдакую «скорую помощь»: вариант, вполне подходящий при переизбытке в организме органического белка.

Естественно, она не была у него единственной – по мнению Солоника, ничто так не губит современного мужчину, как пошлое постоянство.

Ну а потом прозвучали сакраментальные слова: «Я тебя люблю, давай жить вместе...» Слова эти были произнесены Катей, что вполне естественно для девушки, осознавшей необходимость замужества по перезрелости.

Саша, разомлев до полной потери бдительности, сперва вроде бы и согласился «жить вместе», но потом, осознав бесперспективность третьего брака, справедливо послал наглуго б...ь куда подальше. Она обиделась, но перечить не стала. Впрочем, девушка Катя недолго скучала в одиночестве – высокий, статный участковый милиционер, из тех, о которых провинциальные девушки уважительно говорят «положительный мужчина», грамотно снятый ею в том же парке, составил Кате достойную пару.

Искренне пожелав молодым тихого супружеского счастья, совета да любви, Саша со вздохом принялся за ее подругу Таню – ту самую, которую они подсняли вместе с Катей и которую трахал его приятель.

Таня оказалась полной дурой – что, впрочем, неудивительно для девушки, регулярно выходящей по вечерам на промысел в парк культуры и отдыха. После первого же сеанса она сообщила о произошедшем лучшей подруге, заодно поинтересовавшись ее ощущениями, чтобы сравнить с собственными. Катя растерянно сопела в трубку, и Таня, приняв ее молчание за одобрение, похвасталась, что под этим невысоким пацаном она кончает по десять раз на день и что он удовлетворяет ее полностью – не то что Катин муж. Ко всему прочему она, вдохновляясь собственным враньем, естественно, присовокупила, что уже подала с Сашей заявление в загс и приглашает на свадьбу.

В Кате закипела дикая слепящая ярость – желание отомстить мужчине, который нагло ее бросил, не женившись, оказалось сильнее репутации «порядочной замужней женщины»: нет ничего страшней, чем советская б...ь, которой предпочли ее лучшую подругу.

Спустя несколько дней в городскую прокуратуру было подано заявление об изнасиловании, и ничего не подозревавший Солоник с удивлением получил повестку явиться для дачи показаний «в качестве обвиняемого».

И вот теперь, погожим весенним днем, этот самый опер вновь как бы невзначай встретился с несостоявшимся стукачом: по ехидно-торжествующему выражению глаз было очевидно, кто стоял за этой повесткой.

«Когда тебя на зоне блатные в очко трахнут, вспомнишь, как меня в эту самую жопу посылал», – безусловно, профессионал Пантелеев знал, что говорил.

Несомненно, и те три заявления от «изнасилованных», и «свидетельские показания» представляли собой профессионально организованную мусорскую подставу. А Катя послужила лишь катализатором...

Ржавый механизм советского правосудия со скрежетом провернулся, валы медленно завращались, колесики застучали, и теперь, казалось, ничто не могло этот механизм остановить...

Суд над Александром Солоником скорее напоминал работу заводского конвейера, нежели акт торжества правосудия. Саша явился по повестке, переговорил с адвокатом, сел на вытертую до зеркального блеска скамью, выслушал все пункты обвинения. В полупустом зале – несколько близких друзей, бывшая жена, вторая по счету, старики-родители – слушают судью, прокурора и защиту, вертят головами, ничего не понимая...

Судья – толстая, дебелия баба с маленькими сонными глазками, острыми зубками и круглыми щеками, чем-то неуловимо похожая на хомячка, – задает вопросы, один другого глупей.

Хочешь – отвечай, хочешь – не отвечай, все равно вина твоя для всех уже доказана. Алиби у него не было – какое алиби год спустя? Да разве он и припомнит, что делал вечером в конкретное время конкретного дня?

Классическая подстава...

Зато у следователя прокуратуры непоколебимая убежденность в его вине, а главный козырь – свидетельница Катя с ее нелепыми показаниями; злопамятная б...ь надолго затаила обиду на несостоявшегося мужа.

И пусть адвокат настаивает на возвращении дела на доследование, пусть ссылается на грубое нарушение процессуальных норм, общую размытость обвинения и явную сфабрикованность всех свидетельских показаний – ввиду «внутреннего убеждения» доводы защиты кажутся судье несущественными.

Когда наконец все формальности были соблюдены, судья, поправив то и дело сползавшие с переносицы очки в грубой металлической оправе, дежурно спросила:

– Подсудимый Александр Сергеевич Солоник, вы признаете себя виновным?

– Нет, – твердо ответил тот.

Больше его расспрашивать не стали: а чего спрашивать, и так все ясно...

Судьи, посоветовавшись для приличия минут пятнадцать, вернулись в зал, уселись, переглянулись и «именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» приговорили Солоника Александра Сергеевича к восьми годам лишения свободы с отбыванием срока наказания в колонии усиленного режима.

– С изменением меры пресечения... Взятие под стражу в зале суда, – закончила тетка-судья, заодно напомнив о возможном обжаловании.

Сперва он даже не поверил: неужто это о нем? Ему – восемь лет? Его – под стражу?

– За что? – в зале завис естественный вопрос, но судья даже не вздрогнула – теперь перед ней был уже не свободный гражданин, хотя и подсудимый, а зэк – то есть и не человек вовсе.

– Сука ты... – сдавленно прошипел осужденный в адрес судьи, медленно осознавая услышанное. – Я и тебя, гадина, трахнул бы во все дыры, будь ты помоложе, посвежей и не такой уродливой...

– Прошу занести это в протокол как угрозу, – мгновенно отреагировала судья и, казалось, тут же забыла о человеке, которого она только что обрекла на восемь лет за колючей проволокой.

Да, все было бесполезно – без пяти минут зэк Александр Солоник отчетливо понял это, едва взглянул на конвой. Вот сейчас на его запястьях щелкнут стальные наручники, выведут его в коридор, затем – во дворик, где наверняка ждет машина-автозак, именуемая в просторечии «блондинкой». А затем – городской следственный изолятор, где его, бывшего мента, осужденного к тому же по такой нехорошей статье, ничего хорошего не ожидает.

А от желанной свободы его, молодого и уверенного в себе, отделяют всего только несколько шагов.

Мысли работали на удивление четко, и единственно правильное решение пришло мгновенно: бежать! Прямо отсюда, из зала горсуда...

Безразлично-усталый конвой уже приближался к нему. Вот, сейчас...

– Простите, я могу попрощаться с женой? – прошептал осужденный, соображая, что делать дальше.

– Чего уж, прощайся, только быстро, – передернул плечами бывший коллега-мусор и посмотрел на осужденного не без сожаления.

Поцеловал все еще ничего не понимающую бывшую жену, косил взгляд на сержанта – «рекс» – конвоир выглядел спокойным и безмятежным.

– Ну все, хватит, давай на коридор, – Солоник ощутил на своем плече руку мента и понял – пора!

Сашу, как он и предполагал, вывели в коридор – осужденный сразу же подметил, что народу там немного. Это хорошо – вряд ли найдется энтузиаст из публики, который попытается его задержать.

Сейчас, еще один шаг, еще...

Потом он много раз пытался восстановить тот побег в деталях, но не получалось. Мысли путались, последовательность событий мешалась. Запомнились лишь фрагменты: будто яркие вспышки света выхватывали из черных провалов памяти то один, то другой.

В коридоре нарочито-рассеянно оценил ситуацию, присел на корточки, сделав вид, что хочет завязать шнурок ботинка. «Рексы» даже не насторожились.

Резкий удар в солнечное сплетение ближайшему – тот согнулся, точно дешевый перочинный ножик. Следующий удар пришелся точно в кадык – второй конвойный отключился мгновенно.

А дальше – резкий рывок к дверному проему, сухой треск открываемой двери, задние дворы, какие-то закоулки частного сектора, гаражи, заборы, безлюдные улочки... Спустя каких-то десять минут осужденный на восемь лет лишения свободы был уже далеко от здания городского суда...

Глава 3

Правильно говорят: «Имеем – не ценим, потеряем – плачем».

Всего лишь несколько дней назад он, Александр Солоник, имел все, что следовало ценить: собственную квартиру, машину, деньги, хорошо оплачиваемую работу, а главное – возможность соотносить возможности и потребности.

Теперь ничего этого нет.

Он – никто, он – осужденный на восемь лет, находящийся к тому же во всесоюзном розыске. Прошлая жизнь перечеркнута начисто, настоящее тревожно, будущее туманно, и никто не может сказать, что будет с ним, беглецом, завтра или даже сегодня...

Человек, находящийся в розыске, разительно отличается от человека свободного. Вроде бы и он пока еще свободен, но тень тюремной решетки незримо лежит на его лице. Такой человек старается не попадаться на глаза ментам, избегает людных мест, где проверяют документы и где его могут невзначай опознать, такой человек не может предаваться маленьким радостям жизни. В конце концов, такой человек вынужден тщательно «шифроваться», соблюдая основы конспирации, – забыть собственные фамилию-имя-отчество, телефоны друзей и родных, вынужден изменить привычки и наклонности. Улыбка становится напряженной, движения – осторожными, а взгляд – жестким, цепким и подозрительным.

Психика расшатывается быстро, и начинаешь подозревать всех, кто рядом и кого рядом нет. Волей-неволей закрадываются в голову мысли: а ведь нельзя же скрываться так всю жизнь, рано или поздно мусора накроют... Банальная фраза «сколь веревочке ни виться, а конец все равно будет» тем не менее справедлива: немало есть случаев, когда находящийся в розыске добровольно сдавался – мол, вяжите, менты поганые, сил нет больше прятаться.

Человек, находящийся в розыске, быстро начинает понимать жизнь и ее ценности, главная из которых – личная свобода.

Тогда, после дерзкого побега из здания городского суда, без пяти минут зэк Солоник понял: теперь у него начнется совершенно другая жизнь.

И она, естественно, началась...

Местное ГОВД буквально встало на уши: подобного Курган еще не знал за всю свою историю. Начальник охраны был строго наказан, но легче от этого не стало – поймать беглеца по горячим следам не получилось.

Поиски велись по всем правилам специально разработанной для таких случаев операции «Перехват» – вооруженные засады у родных и друзей, санкционированное прокуратурой прослушивание их телефонов, патрули в штатском на людных улицах, железнодорожном вокзале и в аэропорту, кордоны на въездах-выездах из города, ориентировки на стендах «Их разыскивает милиция».

Но все было тщетно: беглец нигде не объявлялся – как сквозь землю провалился. Начальник местного управления МВД лютовал, сулил немислимые кары старшим офицерам; те в свою очередь срывали злость на подчиненных, но результаты по-прежнему не утешали. Задержали, правда, нескольких подозрительных, по приметам отдаленно напоминавших беглеца, но их, к сожалению, пришлось отпустить, хотя начальники курганских РОВД клятвенно заверяли генерала, начальника управления, что спустя час после соответствующей обработки каждый из них с готовностью признавался в том, что он и есть тот самый Александр Солоник...

Иссиня-черное майское небо с крупными мохнатыми звездами низко нависло над пустынной трассой. Где-то совсем низко, над самой головой сверкали огненно-голубые предгрозовые зарницы, и отсветы их причудливыми тенями ложились на унылое, ровное шоссе.

Машин почти не было: лишь изредка где-то далеко слышался низкий, расплывчатый шум автомобильного двигателя, гулко разносившийся по дороге, и только спустя некоторое время на трассу из непроницаемо-чернильной темноты выплывал тяжелый «КамАЗ» с крытой фурой, унося с собой кроваво-красные огоньки габаритных огней.

Невысокий, коротко стриженный мужчина упорно шел вдоль ночного шоссе Курган – Тюмень. Едва заслышав позади шум мотора, он всякий раз быстро, но без суеты сворачивал в сторону, чтобы не привлекать внимания: одинокий путник, бредущий далеко за полночь в пятидесяти километрах от города, не может не вызвать подозрений.

Мелькнул полустертый дорожный указатель «Памятное – 14 км», и путник, заметив впереди тусклый свет фар большегрузных автомобилей, стоявших на обочине, остановился. Чтобы не быть замеченным, отошел в сторону, напряженно вглядываясь вперед.

Пока все шло по плану – так, как Саша Солоник и рассчитывал.

А план был прост – после побега из здания суда следовало как можно быстрее исчезнуть из города, ставшего для него мышеловкой. Ловушка не успела захлопнуться – ему удалось-таки в последний момент выбраться из Кургана пешком. Уже за городом дождался захода солнца в полуразрушенном станционном домике, далее двинулся налегке: голосовать, просить подвезти означало бы подвергать себя ненужной опасности.

Нервы взвинчены до последнего – прежде всего из-за осознания собственной беспомощности. Зверь, уходящий от егерей, и то был бы куда в более выгодном положении. У зверя – зубы, клыки, когти, а у него даже перочинного ножика с собой нет. Кто же знал тогда, перед судом, что все сложится так жутко и неправдоподобно...

Беглец взглянул на часы – фосфоресцирующие стрелки «Командирских» показывали десять минут третьего. Идти до Тюмени пешком более ста пятидесяти километров – чистое безумие.

Надо искать выход.

Саша прищурился – метрах в пятидесяти, съехав с шоссе, стояли несколько «КрАЗов», «КамАЗов» и «МАЗов» с огромными фурами, разукрашенными надписями «Совтрансавто». Водители, расставив на огромных передних бамперах бутылки и стаканы, разложив на коленях пакеты с дешевой колбасой, воблой, тушенкой, заслуженно закусывали. Между машинами тлели угли костра – в темноте они выглядели неестественно яркими.

Иногда непроницаемую тьму ночи падучей огненно-алой звездочкой прорезал сигаретный окурочок, и едкий табачный дым доносился до обостренного обоняния Солоника, неприятно щекоча ноздри.

Человек, попав в затруднительное положение, всегда подсознательно тянется к людям. Наверное, именно потому беглец решил подойти к дальнбойщикам, тем более что ментов среди них в столь позднее время не могло быть наверняка.

Прячась в редколесье, осторожно приблизился – теперь он мог рассмотреть водителей вблизи. Спокойная, дружественная обстановка, обстоятельные профессиональные разговоры о дешевых «плечевых» телках, снимающихся на трассе, о левом грузе, алчных гаишниках, о достоинствах и недостатках машин – короче, классика жанра: водители на привале. Да и сами машины не вызывали подозрения. Номера в основном тюменские, свердловские, омские. Какие уж тут менты, откуда им взяться?

Стараясь казаться невозмутимым и чуть беспечным, Саша вышел к машинам.

– Добрый вечер, мужики, – простецким голосом поздоровался он. – Можно к вам?

Мужчинам, заслуженно отдыхающим и закусывающим, да еще ночью, да еще под открытым небом, всегда свойственны сдержанное благодушие и гостеприимство. И эти водители не были исключением. Да и неудобно как-то не пригласить запоздалого путника к импровизированному столу, к огоньку, не угостить тушенкой и воблой, не расспросить, кто он таков и что заставило его в столь позднее время оказаться на пустынной трассе...

Спустя минуту-другую Солоник, не показывая виду, что страшно проголодался, неторопливо ужинал и рассказывал только что придуманную историю. Мол, работает он вахтовым методом в геологоразведочной партии, отдыхал после очередной смены дома, в поселке, тут неподалеку, а в Тюмени жена на сносях. И надо же такому случиться: только что получил телеграмму – она родила мальчика! Вот он и сорвался на ночь глядя. Думал, на рейсовый автобус успеет, но не вышло... Ничего, ради такого случая можно и пешком пройтись.

История выглядела весьма правдоподобно, объясняя и ночной поход вдоль трассы, и взволнованность. Сентиментальность ситуации полностью снимала возможные подозрения, а кроме того, вызывала подсознательное уважение и сочувствие: настоящий мужик, дождался наследника и теперь, ночью, пешком топают к жене и новорожденному.

Водилы, расчувствовавшись, даже предложили выпить неразведенного спирта, но счастливый отец отказался наотрез: как же в таком виде в роддом он явится?!

Огромный темно-зеленый «МАЗ» с омским номером должен отправляться, как сказал его водитель, через час. Уважение дальнбойщика простиралось так далеко, что он предложил подкинуть ночного путника до самой Тюмени. Саша, с трудом сдерживая радость, естественно, согласился.

Главным теперь было добраться до границы Тюменской области. Розыск, если он и объявлен, действует пока только на территории Курганской области. Местное милицейское начальство не стало выставлять себя на посмешище: утратили бдительность, осужденные у них прямо из зала суда бегут?! А не доезжая небольшого поселка Салобаево начинается власть тюменских ментов, которым, как наверняка знал бывший сержант МВД, глубоко наплевать на соседнюю курганскую милицию и ее начальство.

Спустя несколько минут Солоник, морщась от острых запахов солянки, махорки, сухой пряной колбасы, прогорклого сала и свежеразлитого керосина, которые наполняли кабину «МАЗа», ехал по направлению к Тюмени.

– Слышь, мужик, а ты не знаешь, что это за бандит такой сбежал? – неожиданно спросил водитель, невысокий, щуплый молодой человек, вглядываясь в темную расплывчатую перспективу ночной трассы.

– Откуда сбежал? – стараясь казаться невозмутимым, поджал губы ночной пассажир.

– Да не знаю откуда, из тюрьмы, наверное, – дальнбой чиркнул зажигалкой, и тусклый огонек сигареты осветил его лицо. – Я когда засветло из Кургана выезжал, мусора два раза тормозили – мол, нет ли чего подозрительного? Ничего не слышал?

Саша передернул плечами.

– Откуда? Мне теперь еще о беглых бандитах думать. Другие проблемы...

– Понимаю...

Некоторое время ехали молча. Солоник, пристально вглядываясь в темноту, прикидывал, будет ли ментовский кордон на границе областей или нет и что следует предпринять, если мусора все-таки там торчат.

А водитель продолжал взволнованную его тему:

– Я сейчас с мужиками об этом уголовнике базарил – те говорят, будто бы он двоих конвоиров убил и автомат с патронами прихватил.

– Все может быть, – равнодушно пожал плечами Саша. – Времена такие...

– Все равно поймают, – дальнбойщик, стряхнув пепел с окурка себе под ноги, бросил внимательный взгляд на спутника. – Как ты думаешь?

– Думаю, что нет, – неожиданно для самого себя ответил Солоник.

– Почему?

– Если с автоматом – хрен там поймают. Штук пять мусоров положит, а последнюю пулю – себе. Живым не дастся. Я б на его месте так и сделал, – совершенно искренне закончил он.

Тяжелый «МАЗ», освещая пустынное пространство перед собой мощными галогенными фарами, катил неторопливо – не быстрее пятидесяти километров в час, но до границы с Тюменской областью оставалось все меньше и меньше.

А если там действительно менты?

– Ребенок у тебя первый?

– Что? – не понял спутник, всецело поглощенный собственными размышлениями.

– Я говорю – первенец, или как?

– Ага, – Саша, натянуто улыбнувшись, обернулся к водителю.

– Ну щас небось месяц бухать будешь с радости, – в голосе сидевшего за рулем послышалась неприкрытая зависть. – Помню, когда у меня мой Ванька родился, так мы с мужиками в автоколонне не просыхали. Водяра кончилась – самогон бухали, первач вышел – два аккумулятора на спиртяру поменяли!

Нехитрый разговор о неизбежной в таких случаях законной пьянке неожиданно натолкнул на спасительную мысль.

– Слышь, приятель, у меня братан двоюродный служит в ГАИ сержантом. Хороший мужик, только пьет сильно, – со скрытой горечью за брата, избравшего неправильный жизненный путь, сказал Саша. – Наверняка сейчас тут дежурит. Может, и нас тормознет.

– Ну так что? – руки водителя лежали на потрескавшемся руле уверенно, и уверенность дальнобоя почему-то передалась и Солонику.

– Может быть, родичи уже и ему позвонили. Заставит выйти, бухать с ним надо будет дня три... Сам понимаешь – просто так не отстанет.

– Ну так бухай, – водитель был невозмутим.

– А мне перед женой неудобно – она, должно быть, медсестру специально гоняла телеграмму мне отбить, а я на полпути на несколько дней зависну.

– Ну так не бухай.

– Слышь, если тебя менты тормознут, скажи, что один, никого, мол, не везешь, – осторожно, пытаясь по выражению лица собеседника предугадать его реакцию, попросил Солоник. – А я назад полезу, на спальное место... В Тюмени разбудишь. Хорошо?

Дальнобойщик пожал плечами – чего уж там, полезай, разбужу.

Спустя минуту Солоник лежал на пропахшем соляркой спальнике, тревожно вглядываясь через лобовое стекло в темноту, разрываемую светом фар.

И точно – минут через двадцать показался милицейский пост: патрульный «уазик», гаишники в белых португелях, габаритные огни какой-то легковушки на обочине. Саша рассмотрел ее номер – курганский, наверняка частник.

Взмах полосатого жезла, и «МАЗ», скрипнув гидравликой, тяжело съехал вправо и остановился.

Солоник вжался в спальник, притаился – наверное, теперь, как никогда, ему хотелось раствориться, стать невидимым...

Продаст водила или нет?

– Старший сержант милиции Кириленко, ваши документы, – донеслось до его слуха.

Водитель открыл дверцу, спрыгнул на дорогу.

– Пожалуйста...

Спустя минуту старший сержант ГАИ усталым голосом поинтересовался:

– Ничего подозрительного не заметили?..

– Нет...

– Никого не подвозили?..

Беглец взглянул на приборную доску – ключи в замке зажигания, впереди – пустынная трасса. Если этот дальнобойщик его сдаст или не в меру бдительный мент решит обследовать салон, выход только один – выбросить сержанта на дорогу, вскочить за руль и, протаранив

«уазик», гнать, гнать, гнать... Оторваться, бросить машину и уходить пешком. В любом случае терять ему теперь нечего.

– Никого, – послышался уверенный голос водителя «МАЗа», и Саша мысленно поблагодарил его за верность данному слову.

– Счастливого пути...

Тяжелая фура медленно выползла на шоссе и покатила в сторону Тюмени.

– Никогда тут прежде ментов не было. Наверняка бандита того разыскивают, – уверенно произнес водитель, закуривая, и протянул пачку спутнику. – Дымишь, что ли?

– Спасибо, не курю, – сдерживая волнение, ответил Солоник.

– Интересно – поймают его или нет? – размышлял дальнбойщик вслух.

В представлении водителя «МАЗа» беглый уголовник, убивший двоих ментов и захвативший автомат, должен был быть под два метра ростом, с кровожадным взглядом и физическими кондициями Ильи Муромца, русский народный персонаж Яшка – Красная рубашка.

А этот – невысокий, худощавый, с незапоминающейся внешностью – на отпетого уголовника никак не тянул. Семьянин, любящий муж, даже пить отказывается – разве такой способен на побег?

– Так твой это братан был или нет? – поинтересовался водитель.

– Все люди – братья, – философски заметил Саша. – А сколько еще до Тюмени?..

Наверное, во всей Западной Сибири нет города более странного, чем Тюмень. Комсомольско-молодежная стройка, возникшая в годы развитого социализма, была знаменита как минимум тремя вещами: во-первых – нефтяными и газовыми месторождениями, горящие факелы которых привлекали внимание гостей за несколько десятков километров от города; во-вторых – периодической сменой населения (приезжих – вахтовиков, геологов, монтажников – тут было куда больше, чем коренных жителей), а в-третьих – исключительной даже для этого края криминогенностью.

Саша не зря выбрал Тюмень в качестве временного убежища – он прекрасно понимал, что в этом городе легко затеряться.

Сперва Солоник, сведя дружбу с аборигенами, поселился в рабочем общежитии на окраине. Впрочем, место, где ему пришлось ночевать несколько раз, вряд ли можно было назвать даже общежитием – так, обыкновенный грязный бомжатник. Контингент проживающих – вахтовики, изыскатели, рабочие геологоразведочных партий да бывшие эки, которые, как мухи на мед, слетались в эти небедные места в поисках заработка. Вахтера не было в помине, двери не закрывались даже на ночь, и, как следствие, повальное пьянство и безбожное воровство вошли тут в норму.

Естественно, жить в таких условиях не представлялось возможным – тем более что иногда среди ночи происходили милицейские облавы. А потому Саша понял, что единственно правильный путь – снять стационарную девку с собственной хатой.

Таковая отыскалась довольно быстро.

Анжела – черноволосая, сдобная, ухоженная телка двадцати пяти лет (как она, во всяком случае, утверждала сама), разведенная, но без ребенка, жила в самом центре города. Квартира – пусть и не шикарная, однокомнатная, зато своя. К тому же относительно интеллигентная для этих краев профессия: «мастер-косметолог», как представилась она молодому человеку. Саша снял ее прямо на улице – стрельнул номер телефончика, улыбнулся, одарил каким-то двусмысленным комплиментом. Конечно же, можно было найти и получше, но выбирать не приходилось. Ночлеги в бомжатнике-общаге подорвали нервы и психику Солоника – первые несколько дней он отсыпался, осматривался, почти не выходя на улицу.

Для Анжелы была заготовлена красивая романтическая легенда: мол, застал жену с любовником, который ко всему прочему оказался ментом, как следствие – сурово искалечил

негодяя, и теперь вот, к сожалению, приходится скрываться от правосудия. Да и жена оказалась курвой из курв: выставила бывшего мужа без вещей, денег и даже документов.

Косметолог Анжела проглотила эту историю, как привычную противозачаточную таблетку – с полной уверенностью, что так оно и было, пожалела несчастного, накормила, напоила и создала ему на короткое время ощущение полного комфорта.

Несомненно, женщина, да еще двадцатипятилетняя, да еще разведенная, преследовала исключительно меркантильные цели, далекие от бескорыстного участия. Чего уж тут, в Тюмени, ловить: мужчины, все как один, – или пропахшие сырой нефтью и дымом костров горькие пьяницы, или «синие», в сплошных татуировках, изъясняющиеся хоть и по-русски, но больно уж непонятно. Такой если и клонет на нее, то только из-за квартиры да зарплаты. А у этого, невзрачного на вид, обделенного судьбой, обстоятельствами и курвой-женой, и выбора нет: ни денег, ни крыши над головой...

Короче говоря, очень даже перспективный вариант второго замужества.

Увы, Саша оплатил ей черной неблагодарностью, не оправдав доверия: неумная страсть к плотским удовольствиям звала беглеца на сексуальные подвиги даже в новых условиях.

Уже через несколько дней, нежно поцеловав Анжелу и пожелав успешного рабочего дня в салоне красоты, он снял ее соседку, свежую и непосредственную десятиклассницу, отодрав во все дыры прямо на кухне. Затем – ее подругу, а еще – какую-то девчонку у подъезда, имени которой он так никогда и не узнал...

Нет ничего тайного, что не стало бы явным, к тому же непосредственность подруг, которых успел оприходовать новый хахаль Анжелы, не имела границ.

Когда тайное стало явным, жертва мужского непостоянства решила отплатить – но чисто женским коварством...

Саша ничего не замечал – по-прежнему был вежлив, сдержан и показательно спокоен. Лишних вопросов не задавал, от опасных вопросов уходил, не раздражался, в ее дела не лез. Конечно, он производил впечатление человека замкнутого. Анжела часто заставляла нового любовника в ванной, перед зеркальцем, изучавшим свое отражение непонятно зачем. На естественный вопрос – для чего? – последовал естественный ответ: чтобы изменить то, что ему в себе не нравится.

Услышав столь обтекаемое объяснение, Анжела поняла его по-своему: мол, хочет покрасивше выглядеть, чтобы побольше телок наснимать.

– Давай я тебе помогу, – пряча змеиную улыбку, предложила хозяйка квартиры, – я ведь все-таки косметолог... Что ты хочешь – эту родинку удалить?.. Два-три сеанса, проще простого. Приходи завтра ко мне на работу, чего там тянуть...

Косметический кабинет располагался в самом центре города. Маленькие кабинки, в каждой из которых – трельяж, дробящий отражение, пожилые молодящиеся дамы, полужающие в креслах с масками на лицах (что делало их еще более уродливыми), какие-то ванночки на специальном столике, специфические запахи кремов, пудры, специальных снадобий, масса инструментов, напоминающих хирургические, предназначение которых непосвященному понять не дано.

Анжела была ровна и приветлива – обнажила в улыбке ровные белые зубы, указывая рукой на кресло перед столиком.

– Садись.

Щурясь от яркого света, отраженного зеркалом, Саша опустил в кресло и, едва взглянув на любовницу, подметил, что тоненькая голубоватая жилка на ее виске заметно вибрирует. Правда, он не придавал этому значения – мало ли может быть причин для волнений у одинокой и не такой уж молодой женщины?

– Ну, сразу приступим? – деловитым тоном поинтересовался Солоник.

Анжеле явно что-то тяготило – она производила впечатление человека, принявшего какое-то решение, но не уверенного в его правильности: движения потеряли былую размеренность, взгляд блуждал, руки потели – она то и дело комкала носовой платок.

– Да ладно, давай немного попозже, у меня на сегодня больше никого, – сдавленным голосом произнесла она и тут же, без всякой связи, но с чисто женской логикой, продолжила: – А все-таки ты жестокий человек, Саша.

– Почему? – Солоник даже не обернулся в ее сторону, рассматривая в зеркале родинку, которую и предстояло удалить.

– Ты не хочешь сказать, что любишь меня, – выдохнула из себя Анжела.

– Вам, женщинам, надо только одного: слышать слова любви, – поморщился он. – Все вы одинаковы...

– Женщина любит ушами.

– А мужчина? – тут Солоник с любопытством взглянул на нее.

Анжела улыбнулась, морща лоб, – глаза ее заметно увлажнились.

– Не знаю... Наверное, руками и...

– И чем еще?

– Ну не будем об этом говорить. – Анжела неторопливо подошла к двери, защелкнула ее, выразительно взглянув на Солоника.

Они остались вдвоем. В кабинете было прохладно и тихо – лишь ветер шевелил занавесочку, надувая ее пузырем.

– Я тебя чем-то обидел? – Он явно не ожидал подобного поворота событий.

– Да нет... ничем. Саша, я хотела бы попросить, чтобы ты сейчас взял меня... Понимаешь? Может быть, в последний раз.

Странны и туманны были ее слова – «в последний раз», странным поведением, но молодой человек не придал всему этому должного значения. Грубо привлек Анжеле к себе, поднялся с кресла, приобнял, расстегивая по ходу юбку – она неслышно упала на линолеум. Неторопливо, одну за другой расстегнул маленькие пуговички ее блузки, и хозяйка кабинета, нервно поведя плечами, сбросила ее на пол. Затем она сама сняла через голову, не расстегивая, бюстгальтер, сделала вид, что застеснялась, будто бы впервые в жизни была с ним, прикрыла грудь руками.

Саша взял ее за мизинцы и медленно развел руки в стороны. Она так и осталась стоять – нагая, с огромными грудями, темные соски которых напоминали два круглых глаза. А Солоник неторопливо раздевался – так, будто бы и не очень хотел ее, а лишь делал одолжение, и это не могло укрыться от девушки. На лице ее вновь заиграла нехорошая улыбка.

– Ну, давай, иди сюда...

Анжела прильнула к нему, и он уже не мог видеть ее, а только ощущал в своих объятиях. Ее дрожащие руки коснулись обнаженной мужской плоти, она неожиданно для себя покраснела.

Но когда Саша дотронулся до ее теплой груди, Анжеле стало уже все равно, светло в комнате или нет. Она отдалась желанию, вся без остатка, будто бы действительно была с ним в последний раз.

Солоник, как и всегда, показал себя умелым любовником. Он в любой момент чувствовал, что именно сейчас нужно женщине, и, доведя ее почти до самой крайней точки возбуждения, останавливался, давая ощутить сладость не до конца удовлетворенной страсти.

Его не могли обмануть слова, которые в запальчивости шептала девушка, – «любимый – быстрее!.. сильнее!..», его не нужно было о чем-нибудь просить; он, как всегда, понимал все без слов, по взгляду, по жесту...

Они кончили почти одновременно, и Анжела, тихо застонав, опустилась на корточки, прижалась к сильному телу любовника и уткнулась носом ему в колено.

– Ты что – плачешь? – спросил Саша и, проведя пальцем по ее щеке, осторожно растер слезинки.

– Нет, ничего, не обращай внимания, – отвернувшись, бросила она и принялась одеваться, стараясь не встречаться с ним взглядом.

Спустя несколько минут оделся и он – скользнул по девушке уже отсутствующим взглядом и совершенно другим голосом, будто бы ничего не случилось, спросил:

– Так родинку будем сводить?

– Да, иди руки вымой, так надо, – недовольно произнесла девушка, по-прежнему пряча взгляд.

Саша открыл дверь, прошел в туалет и, взглянув на отраженное зеркалом раскрасневшееся лицо, усмехнулся.

– Вот баба попалась, – прошептал он. – Живо-тное...

Открыл кран, подставляя пальцы под холодную струю воды.

И тут...

Неожиданно открылась дверь – рывком, с треском, и в маленькую комнатку ввалились сразу двое амбалов в штатском. Солонику бросились в глаза их короткие стрижки и какое-то одинаково казенное выражение лиц.

Один профессионально обхватил его сзади, прижал локти к корпусу, а другой сделал какое-то незаметное, неуловимое движение – спустя мгновение на руках его защелкнулись наручники.

– Ну что, добегался? – дыша в лицо скверным табаком, произнес первый.

– Давай наружу, только без фокусов. В случае сопротивления имеем право применить табельное оружие, – предупредил второй.

Сопrotивляться не было возможностей, да и сил. И стоило ли их теперь тратить?

Действительно, добегался...

Что и говорить: человек, находящийся в розыске, разительно отличается от человека свободного. Он вынужден прибегать к массе ухищрений, чтобы не быть узнанным, вынужден забыть друзей, родных и близких, вынужден менять привычки и пристрастия, вынужден «шифроваться», но прокол все равно произойдет рано или поздно, и тогда все ухищрения, вся конспирация идут насмарку.

Теперь Александру Солонику оставалось лишь искать утешения в банальной и пошлой фразе «сколь веревочке ни виться, а конец все равно будет» да размышлять о женской непредсказуемости и коварстве – что, впрочем, не менее пошло и банально...

Глава 4

Нет ничего хуже несоответствия потребностей и возможностей, умозрительного и реального, желаемого и действительного, и теперь Саше Солонику пришлось осознать это в полной мере.

Где-то совсем рядом была воля, с которой он так нелепо расстался. В мечтах он по-прежнему был там, но рассудок говорил: в ту, прежнюю жизнь он больше никогда не вернется.

Под усиленным конвоем он был доставлен в тесную затхлую «хату» следственного изолятора. А там – «рекс» – коридорный, тупое ментовское животное, вонючая баланда из рыбных консервов и бесконечные ночные допросы. Состоялся суд, и судья – низенький подагрический старик с мозаикой ветеранских планок и серым землистым лицом, свидетельствующим о безнадёжном раке, то и дело кашляя в кулак, задавал никчемные вопросы – дотошно выпытывал, выстраивал версии следствия, теперь никому уже не нужные. Странно было все это видеть и слышать: обреченный на смерть обрекал на мучения его, молодого и полного сил...

Защита ничего не могла поделать – вина подсудимого была слишком очевидной, да и прокурор с судьей были настроены решительно.

Потому и приговор впечатлял: двенадцать лет лишения свободы. Старая статья, 117-я, плюс побег.

Теперь на протяжении всего этого огромного срока папку с личным делом осужденного Солоника А. С. перечеркивала кроваво-алая полоса, что означало – «склонен к побегам». Обладателей такого личного дела, как правило, этапировуют с повышенными мерами предосторожности. А в лагере его запрещено гонять в промзону в ночное время, его ненавидит зоновское начальство как источник возможных проблем, а прапорщики – «вертухай» шмонают его с предельным тщанием.

Нового зэка отправили отбывать срок в Пермскую область, славную исправительными лагерями не меньше, чем Тюмень – нефтью и газом или Крым – санаториями и домами отдыха. Было очевидно – ему, бывшему менту, к тому же осужденному по гадкой и постыдной статье, на «строгаче» придется несладко.

Так оно и случилось.

Все зоны России, словно кровеносными сосудами, связаны между собой этапами и пересылками – одни осужденные отбывают, другие приходят: через них и переправляются «малявы», то есть письма для внутризэковского пользования. Из «маляв» о прибывших арестантах на местах становится известно практически все: пидар ли, сука или честный фраер, кем был на «вольняшке», как вел себя на следствии, какой масти, если блатной.

Соврать, скрыть о себе что-либо решительно невозможно: данные о зэке старательно фиксируются следователями в личном деле, а менты, как известно, активно прикармливаются из «общака». И уж если обман раскроется – лгуну не сносить головы.

Зоновский телеграф – покруче любой правительственной «вертушки», и за точность информации почти всегда можно ручаться.

Еще в карантине к Саше наведалься местный кум – так называют офицера внутренней службы, ответственного за оперативно-следственную работу. Невысокий, вертлявый, с беспоякойно бегающими глазами, этот сотрудник ИТУ сразу же произвел на Солоника предельно отталкивающее впечатление. Расспросил, что и как, поинтересовался, как новый зэк дальше собирается жить и что делать. И, даже не дождавшись ответа, предложил стать внештатным осведомителем, то есть сукой.

Естественно, кум был послан куда подальше – Саша объявил, что с ментами он больше никогда никаких дел иметь не будет. Зоновский оперативник даже не обиделся – наверняка посылали его не впервой, но, уходя, покачал головой: пожалеешь, мол. Ты ведь бывший мент,

к тому же статья у тебя не очень хорошая, и сидеть тебе слишком долго. И обращаться в случае чего не к кому – таких, как ты, тут не любят. Смотри, осужденный Солоник, будут у тебя неприятности, тогда припомнишь этот разговорчик...

Неприятности начались через несколько дней после выхода из карантина: по возвращении с «промки», то есть промзоны, Саша был вызван к «смотрящему» – полномочному представителю блатных. Тот отвечал перед татуированным синклитом за «правильность» порядков, и отнюдь не с ментовской точки зрения.

«Смотрящий», как и положено человеку его ранга, числился на непыльной должности каптерщика – на разводы и «промку» не ходил, из общего котла не ел, а целыми днями сидел себе в камере, играл с татуированными друзьями в «стиры», то есть в карты. Высокий, самоуверенный, с крупными чертами чуть побитого оспой лица, с ровными сизыми металлическими зубами, он производил впечатление настоящего хозяина «строгача» – во всяком случае, не меньшего, чем «хозяин», то есть начальник ИТУ. Распятие, вытатуированное на груди, и аббревиатура БОГ говорили, что блатной осужден за грабеж. Множество синих церковных куполов, просвечивавшихся на спине сквозь майку, густые гусарские эполеты так называемого «блатного лейтенанта», восьмиугольные звезды на ключицах, перстни на пальцах, «тигровый оскал» ниже основания шеи и изображение кошачьей морды – все это свидетельствовало, что он уже сполна прошел все тюремные университеты. Высокий статус «смотрящего» подтверждала буква «С», наколотая на предплечье.

Рядом, на пустых ящиках из-под какого-то оборудования, сидели двое амбалов.

Отложив карты, зонавский авторитет молча уставился на вошедшего. Взгляд его был тяжел и угрюм – казалось, он словно рентгеном просвечивает новичка.

– Ну что скажешь? – спросил он, продолжая изучать Сашу.

– А что я должен сказать? – стараясь казаться независимым, спросил в свою очередь Солоник.

– Ну как звать, величать? Масти какой? Чем на «вольняшке» занимался? – принялся неторопливо перечислять «синий». – Как жить дальше думаешь? Лавье от кентов не крысил? Ментам на корешей не стучал? В попку часом не балуешься? На флейтах кожаных не играешь? И вообще – какие за тобой «косячки» водятся?

– Звать меня Александром, – спокойно ответил допрашиваемый, – а кем на воле был... Много кем. В школе учился, затем – в армии служил, вернулся, в милицию устроился, выгнали, потом опять в ментовке, потом на кладбище... Много где работал.

При упоминании о службе в милиции глаза ближнего к Солонику «шестерки» – огромного звероподобного атлета с рассеченной переносицей и цепкими мосластыми пальцами – налились кровью.

– Да, все правильно, сходится, – «смотрящий» поджал губы. – Пургу не гонит. Так в милиции, говоришь, служил? В нашей родной, рабоче-крестьянской?

– Да. – Саша уже прикидывал – прямо сейчас начнется драка или чуть попозже, а если сейчас – как он будет защищаться в этом маленьком, забитом разным хламом помещении.

– Значит, в мусарне... А теперь вот променял мышинный макинтош на лагерный клифт, – ухмыльнулся татуированный авторитет. – Жизнь – она баба стержовная, никогда не знаешь, где поднимешься, а где опустишься. Ты по какой статье тут чалишься?

– Сто семнадцатая, – невозмутимо ответил Солоник, но на всякий случай добавил: – Засудили меня. Подставили.

– И кто же тебя подставил, мил человек? – спокойно, с плохо скрываемой иронией уточнил авторитет. – Менты небось?

– Менты, – честно признался Саша.

– Значит, мента менты подставили... Получается, что ты среди этой падали самым гнусным был, коли даже псарня от тебя отказалась?

Саша промолчал.

– Да, редкое сочетание: мусор – и спец по «мохнатым сейфам», – «смотрящий» нехорошо сверкнул глазами. – Сладкое любишь, и чтобы задарма. Ну, а тут как жить собираешься?

Независимо передернув плечами, новый зэк произнес спокойно:

– Как раньше жил, так и тут буду.

– Ты чо, Корзубый, с этим гондоном травишь? – не выдержал «шестерка». – В «петушатник» его, паучину, гребень ему лепить!

Тот, кого татуированный атлет назвал Корзубым, лишь метнул на говорившего неодобрительный взгляд – мол, тебе слова не давали! – и «шестерка» мгновенно затих.

– Значит, как раньше?..

– Да.

– Это как в ментовке, что ли? – повесил набок голову Корзубый, и при этом глаза его сразу же сощурились, превратившись в узкие щелки. – Это, значит, и тут «мохнатки» ломать? Тут, мил человек, бабских «мохнаток» нет, тут все больше «духовки»... Да, мусорок, попал ты, и сильно попал. Говоришь, ментом был, а главного в жизни для себя не уяснил. Знаешь – там, на «вольняшке», закон мусорской, а тут, за решками, за заборами – воровской. Ты свой закон нарушил – теперь придется по нашим жить.

– Законы ваши – вы по ним и живите. Мне они не подходят, – Саша отступил на несколько шагов назад, чтобы в случае внезапного нападения иметь оперативное пространство для маневра.

Он понял: тактика разговора избрана правильная. Показать собственную независимость, продемонстрировать, что он хотя и загнан жизнью и обстоятельствами в угол, но все равно не боится этих страшных людей, давно определивших его судьбу, – а что еще оставалось? Во всяком случае, хуже не будет...

– Ты что, б...ь, еще не понял, кто мы такие?! – неожиданно взорвался «смотрящий». – Ты не на ментовских политзанятиях! Надо было на «вольняшке» себя правильно вести. – Он нервно зашелестел сигаретной пачкой, закурил, перемалывая фильтр «Кэмела» сизыми металлическими зубами. – Мало того, что мусор, мало того, что по пидарской статье, так еще и вины своей не видишь, перед нами крыльями машешь... Ну маши, маши. Значит, Саша тебя зовут? – врасстяжку спросил татуированный авторитет и, не дождавшись ответа, продолжил: – Хорошее имя, красивое. И мужик, и баба такое носить могут. Вот и будешь...

«Шестерка» коротко, но очень выразительно взглянул на «смотрящего» – мол, сейчас паучине гребень лепить или...

– Если ты, мил человек, любишь чужой «мохнатый сейф» взламывать, то люби и собственное фуфло подставлять, – блатной немного успокоился, вспомнив, что степенность и рассудительность более присущи его положению. – Во всем должна быть справедливость. Во всем должен быть порядок. За все в жизни надо ответ держать. Я сказал, все слышали. Иди, готовься...

Саша, не прощаясь, вышел, аккуратно затворив за собой дверь каптерки. Это был приговор, который, как известно, не подлежит ни обжалованию, ни кассации, ни защите адвокатуры...

Неделя прошла в томительном ожидании: каждый день Солоник опасался подвоха. На разводах, даже на «промке» он, как ни странно, отдыхал, чуть расслабляясь: неприятности могли начаться или после работы, или, что вероятней, после отбоя.

Однако все эти дни его почему-то не трогали. То ли блатные решили оттянуть удовольствие (а грубое насилие всегда приносит им радость), чтобы сполна насладиться зрелищем

«опарафинивания» негодя и «распаивания» ментовской «духовки», то ли будущую жертву временно оставили в покое, чтобы усыпить ее бдительность.

Начальник оперативно-следственной части, естественно, не мог не знать о приговоре татуированного суда. На то он и кум – должен быть в курсе настроения контингента, должен в целом и в частности принижать авторитет «отрицаловки» и поднимать репутацию тех, кто решил выйти «на свободу с чистой совестью». Наверняка за эти дни кум уже прознал о кандидате в проткнутые пидары через своих сук. Наверное, он бы мог и спасти строптивца, поместив на какое-то время в помещение камерного типа, в барак усиленного режима, в конце концов – «на крест», то есть в зонавскую больницу, но по понятным причинам решил этого не делать.

Не захотел сучиться – получай садильник в пердильник. Одним «акробатом» на зоне больше, одним меньше... От гомосексуальных актов за «колючкой» никто из осужденных еще не забеременел.

Спустя дней восемь Саша понял: приговор исполнится сегодня. Об этом говорили и подчеркнуто-равнодушные взгляды блатных, и тот холодок отчужденности, который незримо лег между ним и остальными зэками. Блатные уже знали, что *это* произойдет сегодня и до отбоя. И остальные – «мужики», «черти» и даже «король всех мастей», главпидар зоны с издевательски-величественным «погонялом» Император, – тоже знали. И он, осужденный к двенадцати годам «строгача» арестант Александр Солоник, тоже знал – так же, как и то, что решение «смотрящего» не может быть изменено и что теперь ему никто уже не поможет...

Надеяться, как и всегда, приходилось на себя одного.

Они встретили его в хозблоке. Прапорщиков – «рексов» не было – так же, как и офицеров. Блатных пришло даже слишком много, человек пятнадцать. Несмотря на разницу в возрасте, облике, блатной масти и степени дебилности, всех их роднило одно: кричащая наглость, самоуверенность и сознание собственной правоты.

Предводительствовал тот самый амбал с рассеченной переносицей и мосластыми пальцами – «шестерка» «смотрящего».

– Ну красавчик-мусорок – сам штаны снимешь или помочь? – с усмешкой, придававшей его лицу зверское выражение, спросил он, неторопливо, уверенно подходя ближе: – Сперва твой вонючий садильник вскроем, потом на клык вялого дадим. Хряпнешь, «скрипочка»...

Стиснув зубы, Саша промолчал.

– Давай, давай к нам, моя хорошая, давай, моя цыпа-рыба, давай, мой батончик, приласкаем тебя, понежим, приголубим, – коротко хохотнул стоявший за его спиной – невысокий, пожилой, с вытатуированным между пальцами пауком в паутинке – он демонстративно растянул пуговицу ширинки, – трубы тебе прочистим, целяк фуфлыжный ломаем. Девственность – она ведь тоже излечима. А я на тебя давно глаз положил! Не бойся, это не больно, тебе понравится!

Еще со школьных курганских времен, когда в бестолковой кровавой свалке сходились класс на класс, район на район, Солоник мог один выстоять против целой кодлы. Главное – заставить противников хоть чуть-чуть расслабиться, утратить бдительность, а уж потом, выбрав пахана, постараться в короткое время отключить его. Кодла на то и кодла, как и стадо животных, сильна прежде всего своим единством – до первого оступившегося, до первой трещины...

– Ну что же ты, петушила? – физиономия третьего, маленького, чернявого, с низким лбом, расплылась в щербатой улыбке. – Тебя ведь предупреждали. Надо было «копченую балдоху» подмыть, надо было мыло душистое да полотенце пушистое приготовить...

Саша шагнул вперед, прищурился...

Короткий, почти без замаха удар – и амбал с рассеченной переносицей, словно мяч, отлетел на несколько метров. Блатные, явно не ожидавшие такой борзости от кандидата в «акробаты», слегка опешили, но спустя мгновение, взорвавшись жутким матом, накинулись на наг-

лица. Он был один, а их много – «синие» лезли вперед, мешая друг другу, и это давало пусть маленькое, но преимущество.

Первый удар он пропустил – удар был нанесен подло, сбоку, и Саша тут же почувствовал, как из глубоко рассеченной брови потекло густое, теплое и липкое. Зато спустя секунду он, сориентировавшись, ответил обидчику – тому самому щербатому, низколобому, только что обозвавшему его петушилой. Удар локтем пришелся точно в рот – послышался отвратительный хруст сломанных зубов, и противник завыл от боли.

Тем временем амбал – «шестерка», поднявшись с цементного пола, сделал какое-то незаметное движение – спустя мгновение в руках его оказалась заточка. Солоник среагировал мгновенно – пригнулся, перехватил руку, вывернул ее и тут же резко потянул вверх до упора – амбал низко завыл, и заточенный прут с противным металлическим звуком свалился на пол. Сзади набросился кто-то невидимый, но очень цепкий. Его грабки тянулись к горлу, к кадыку – казалось, еще мгновение, и хрустнет под пальцами. Солоника спас его маленький рост – он резко пригнулся, сбрасывая нападавшего, и тот свалился ему под ноги. Удар ногой в промежность – и враг, ойкнув, сразу обмяк.

– Еп-ти!.. – истошно закричал кто-то. – Братва, «акробаты» наших бьют!..

Еще один удар – на этот раз в кадык, и кричавший тут же захлебнулся.

Какой-то невысокий, белесый, с выцветшими бровями и красным слюнявым ртом бросился на него в ударе, но после ответного выпада кулаком в ухо, потеряв ориентацию в пространстве, головой вышиб дверь хозблока.

И тут удары посыпались на Сашу один за другим. Били всем – кулаками, локтями, прохожами-говнодавами и еще чем-то тупым, тяжелым – чем именно, он так и не сумел рассмотреть.

Тело делалось непривычно тяжелым, непослушным, каким-то чужим – он уже не мог отвечать на беспорядочные удары. Страшные, наглые рожи скалились перед ним, сливаясь в одну, и трехэтажный мат попеременно с блатной феней пузырился на грязных ртах с фиксами.

Но он отвечал – бил, бил, бил, ставил блоки, уворачивался, пригибался и вновь бил – пока хватало сил.

Уже валялся на холодном цементе пола в луже темной, как деготь, крови тот самый обладатель татуировки-паука; уже нелепо корчился у стены, вытирая разбитый рот, тот самый низколобый, с щербатыми зубами; уже не подавал никаких признаков жизни амбал – «шестерка», первым доставший острую заточку...

Но и Саше приходилось несладко: удары становились все ощутимей и болезненней, реакция тормозилась, и он не в силах был отвечать на каждый удар. Понимая, что солнце ему не светит, Солоник изменил тактику: выбрав из всей татуированной коды одного, самого мощного и агрессивного противника, метелил его, стараясь не обращать внимания на боль...

Но как можно не обращать внимания? Ему нанесли удар в голову чем-то тяжелым – перед глазами поплыли огромные фиолетовые круги, и он словно бы провалился в черную компостную яму...

Солоник не помнил, что было дальше, не помнил, сколько времени прошло с того момента, когда он, получив страшной силы удар в темя, отключился: час, два, сутки или целая вечность?!

Саша с трудом разлепил набухшие кровью веки. Белый потолок в причудливой паутине тонких трещин, зарешеченные окна с занавесочками, ровные ряды кроватей с серыми казенными одеялами, под которыми угадывались контуры человеческих тел, капельница на штативе, какое-то худое незнакомое лицо, склонившееся над ним...

– Очнулся-таки...

Голос принадлежал этому самому незнакомцу, но доносился глухо, словно из-под земли или сквозь толщу воды.

Сквозь распухшие губы Саша прохрипел что-то невнятное.

– Другой бы на твоём месте после такого в ящик сыграл, а ты, смотрю, – выжил. Живучий, – в голосе говорившего звучало скрытое восхищение. – Ничего, теперь будешь жить.

– Т-ты... к-к-к... – шевели непослушными губами, спросил больной.

– Врач я твой, «лепила». Такой же арестант, как и ты, только не на общих работах, а тут срок мотаю. – Солоник пытался еще что-то спросить, но слова выходили невнятными, и опытный «лепила», угадав смысл вопроса лишь по едва заметному движению губ, продолжил: – Семнадцать швов тебе на голову наложили. Плюс сотрясение мозга и обширные гематомы. Другой бы загнулся на хрен, а ты...

Несомненно, зоновский врач был донельзя поражен произошедшим.

Саша не смог ничего ответить – что-то тяжелое и теплое мягко, но неотвратимо придавило его сверху, и он, расслабившись и забыв обо всем на свете, погрузился в спасительный сон...

Пациент «креста» по-настоящему пришел в себя лишь через неделю. Голова по-прежнему болела, тело ломило от ссадин, ушибов и подживающих гематом, расшатанные зубы не позволяли есть ничего, кроме жидкой каши.

Он знал: блатные не оставят его и тут. Уж если «синие» держат на зоне масть, то они сумеют достать его и на «больничке», и никто – ни режим, ни охрана, ни сам министр МВД не смогут им в этом помешать.

Саша готовился к худшему: он понимал, что теперь, после всего случившегося, его не будут пытаться опускать. Скорее всего просто прирежут, вероятно, ночью, когда все спят.

Однако этого почему-то не произошло: что-то у них разладилось. И спустя несколько дней выяснил – что именно.

Один из недавних врагов, лежавший после драки в хозблоке тут же, «стремящийся» (мужик в авторитете, не блатной, но желающий таковым стать), почувствовав к недавнему противнику невольное уважение, рассказал: уже после того как он, Солоник, окровавленный, потерял сознание, блатные не посмели к нему подойти – думали, он прикидывается, и первый, кто занесет над ним заточку, немедленно поплатится жизнью. А потом, как водится, с запозданием, прибежали контролеры, кум, начальник отряда. Дело, естественно, дошло и до «хозяина», и до блатного синклита, который в свое время и определил Корзубого «смотрящим».

И если со стороны начальника отряда санкций против зачинщиков инцидента не последовало, то блатной мир проявил несомненную принципиальность: на первом же сходняке Корзубого со «смотрящих» убрали.

– Офоршмачился Корзубый, – глядя на этого невысокого жилистого человека, едва не отправившего его на тот свет, продолжал «стремящийся». – Получается, что вся кодла одного зяблика не то что завалить – отпетушить не смогла. Они – «синие», зону держат, а ты – мусор, хотя и бывший... Да еще по «мохнатке» сюда залетел. Получилось, что не они тебя опустили, а ты – их. Так что лечись спокойно – пока паханы нового «смотрящего» не определят, тебя трогать не будут.

Было очевидно – из этой истории он вышел победителем. Впрочем, радоваться было рано: блатные, которые держат почти на всех зонах масть, рано или поздно завалят его – вопрос лишь во времени. Это был как раз тот случай, когда победитель не получает ничего...

Спустя два месяца, когда Солоник, окончательно оклемавшись, выписался в отряд и вошел в зону, он понял, что не ошибся: местное начальство решило перевести его в другое ИТУ, в Ульяновскую «восьмерку». Несомненно, это было выгодно и «хозяину», который не хотел грядущих неприятностей во вверенном ему исправительно-трудовом учреждении и, как следствие, высоких проверяющих комиссий из ГУИТУ, и новому «смотрящему», который

совершенно не желал оформляться так же, как и его предшественник. Редкий случай, но интересы непримиримых врагов – мусоров и блатных – полностью совпали.

Впрочем, приговоренному от этого было не легче. Скорей – наоборот.

Глава 5

Небольшой старинный особняк в самом центре Москвы внушал невольное уважение к его хозяевам. Свежевымытые тонированные окна, отражающие багровое закатное солнце, мощный булыжником дворик, декоративные решетки чугунного литья, параболическая антенна, несколько роскошных иномарок у подъезда, неподалеку от которых застыло несколько молодых людей атлетического сложения в темно-зеленом камуфляже... На карнизах свежепобеленного фасада висело несколько не слишком приметных видеокамер наружного наблюдения. Блестящая латунная табличка у двери извещала, что тут находится охранное агентство, чем вполне объяснялось присутствие и камер наружного наблюдения, и охранников в камуфляже.

Внутреннее убранство особняка по богатству, солидности и комфорту конкурировало с внешним видом: удобная и стильная итальянская мебель, ковровые дорожки неярких, спокойных тонов, мягкость ворса, заставляющая вспомнить о лесном мхе, множество компьютеров, принтеров, серверов, сканеров, плоттеров и прочей хитрой оргтехники, позволяющей хранить, обрабатывать и размножать любую информацию.

В одном из кабинетов, склонившись над дорогим столом с несколькими телефонами и заваленным бумагами, сидел пожилой мужчина явно начальственного экстерьера: размеренные движения, уверенный взгляд и вальяжные жесты красноречиво свидетельствовали, что он привык только командовать; манера читать и военная выправка свидетельствовали о том, что хозяин кабинета немало лет жизни посвятил службе государству.

Так оно и было.

Хозяин этого кабинета, да и всего особняка, не любил, когда его называли по имени-отчеству: за время, отданное Лубянке, он слишком привык к своему оперативному псевдониму Координатор и даже теперь, уйдя в резерв, предпочитал именоваться именно так.

Чем старше становится человек, тем консервативней его взгляды и тем ограниченной он. Конечно же, приобретенный опыт несомненен, но, приобретая одно, всегда теряешь другое – а именно нетрадиционность подхода к жизни и широту взглядов.

Хозяин этого офиса понимал справедливость утверждения лучше многих других – наверное, еще с тех пор, когда был не припопсованным «новым русским», а генералом Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. Жизненный опыт неизбежно приводит к консерватизму во взглядах. Но консерватизм приземляет, опускает вниз и, по законам физики и оптики, заслоняет новые горизонты, и это неизбежно.

Впрочем, Координатор был убежден: жаловаться на сужение жизненных горизонтов пока преждевременно. Право на подобное утверждение давали те самые изменения, которые произошли в его жизни за последнее время: охранная фирма, возглавляемая резервным генералом спецслужб, в действительности была чистой воды фикцией. На самом деле в старинном московском особняке находилась типичная лубянская структура, правда, очень хорошо законспирированная.

В последнее время в Москве многое изменилось. Удивительно, но изменения эти коснулись российских спецслужб, как, наверное, никого другого. В результате глобальной реорганизации и чистки аппарата, которой чекисты не знали со времен 1953–1956 годов, целые подразделения оказались вне «органов». Часть ушла к бизнесменам да банкирам, как, например, пламенный борец с советскими диссидентами заместитель председателя КГБ Филипп Бобков, возглавивший ныне службу безопасности межбанковской группы «Мост», часть – в криминальные структуры, часть завербовалась в «горячие точки»...

Охранная фирма, возглавляемая Координатором, собрала под свои знамена бывших комитетчиков и гэрэушников, опытных сыскарей из Московского угрозыска, аналитиков, специалистов спецсвязи, шифровальщиков...

Но не эти кадры, ценные сами по себе, стали козырной картой Координатора.

Секретное подразделение «С-4», созданное и законсервированное незадолго до его ухода в резерв, по-прежнему существовало, хотя теперь и было выведено из-под государственного контроля, что, впрочем, вполне естественно – вряд ли кто-нибудь утвердит финансирование откровенно антиконституционной структуры. Фирма добывала средства совершенно законно: охрана коммерсантов, поиск должников и выбивание долгов, сбор заказной конфиденциальной информации – промыслы, считавшиеся исключительно бандитскими, были узаконены официально. Денег хватало и на хлеб с маслом, и на поддержание той же «С-4», которая пока нигде не была засвечена. Впрочем, на родной Лубянке об истинном лице охранной фирмы и о наличии «С-4», структурно в нее вошедшей, естественно, помнили и не торопились списывать ее руководителя со счетов. Отношения с бывшими коллегами, притом самого высшего звена, складывались у хозяина офиса превосходно. Фирма резервного чекиста была удобна чекистам действующим – то, что невозможно было исполнить законными средствами, в случае чего можно было повесить на якобы частную охранную структуру...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.